

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
ПАВЕЛ ПАСЕК
ЯН ПИКСА

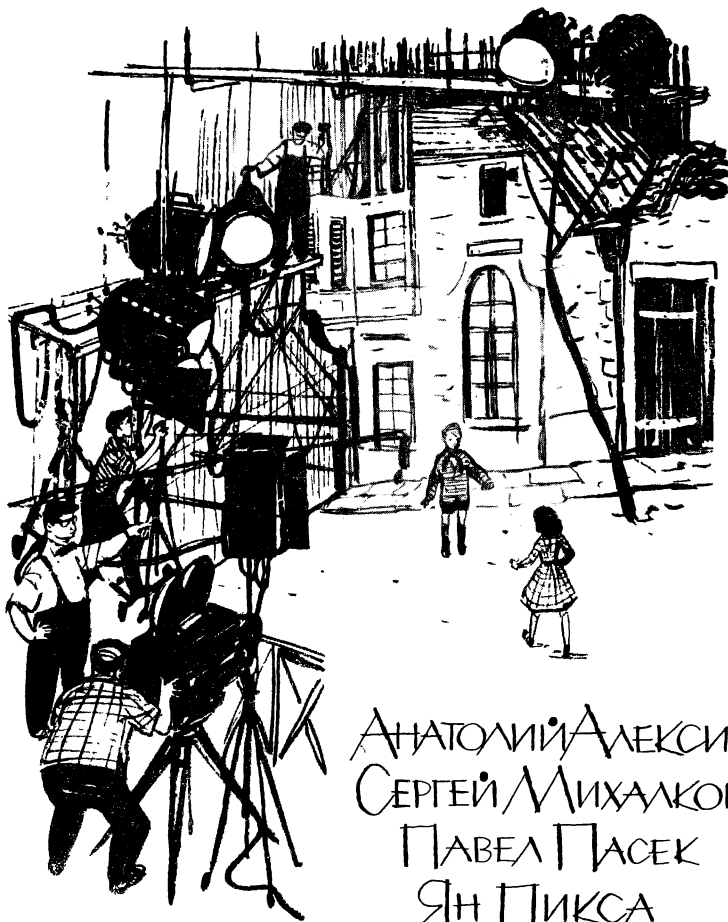
ПОТЕРЯННАЯ ФОТОГРАФИЯ

ДЕТГИЗ

1962

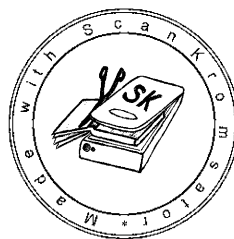

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
ПАВЕЛ ПАСЕК
ЯН ПИКСА

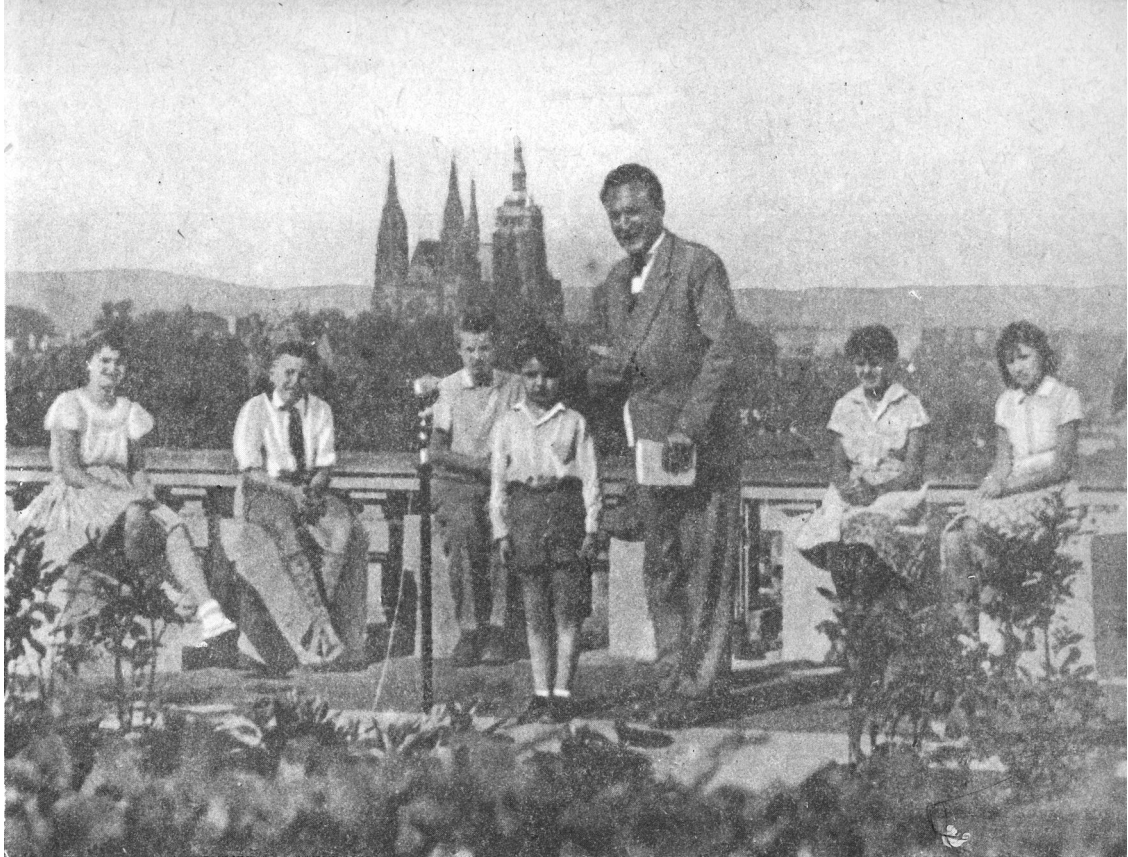
ПОТЕРЯННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР. Москва 1962

Рисунки
Ф. Л е м к у л я

SCan AAW

О «ПОТЕРЯННОЙ ФОТОГРАФИИ» И НАЙДЕННЫХ ДРУЗЬЯХ

Вместо предисловия

Первое июня — День защиты детей. И, должно быть, совсем не случайно он совпадает с первым днём лета — самого тёплого и солнечного времени года, когда земля после юной весенней поры вступает в пору своего зрелого, пышного расцвета. Честные люди хотят, чтобы и жизнь всех детей на земле

тоже была солнечной, ясной и чтобы будущее их тоже было светлым, как безоблачный летний рассвет.

Вот как раз 1 июня (не в этом году и не в прошлом, а несколько лет назад) мы приехали в столицу Чехословакии, город Прагу, чтобы вместе с нашими чешскими друзьями Павлом Пасеком и Яном Пиксой написать сценарий фильма о дружбе советского и чехословацкого народов, советских и чехословацких детей — фильма «Потерянная фотография».

Но для того чтобы написать сценарий, мало выбрать сюжет — прежде всего надо хорошенько узнать людей, которые будут в этих событиях участвовать. И этих людей, юных героев будущего фильма, тоже нужно не выдумать, а посмотреть своими собственными глазами, найти в жизни.

И первая наша встреча с живыми героями будущей кинокартины, пражскими пионерами, состоялась на Уездской площади... Это было у подножия высокого гранитного постамента, на который поднялся советский танк с номером «23» на тёмно-зелёном, некогда тяжело израненном боку. Именно этот танк первым ворвался в Прагу в день её освобождения от фашистских захватчиков — 9 мая 1945 года. Советские танкисты, ворвавшись в город, решили заткнуть глотку вражескому пулемёту, что строчил из окна старого, грузно осевшего каменного дома. Но машина успела лишь развернуться для боевого удара — фашистский гранатомёт тяжело ранил её, вырвались и окутали машину языки пламени.

Двое танкистов выпрыгнули на землю из горящего танка, и один из них, командир, был сражён автоматной очередью. Он погиб на рассвете последнего дня войны... Желая отомстить за командира, водитель развернул свой пылавший стальной гигант и на полном ходу врезался в стену дома,

укрывавшего врагов. Замолчали фашистские автоматы, захлебнулся и навсегда умолк вражеский пулемёт...

А потом, когда в город пришла мирная жизнь, этот танк поднялся на гранитный пьедестал, как будто для того, чтобы всегда напоминать людям слова великого чешского патриота Юлиуса Фучика: «Будьте бдительны!»

Мы долго стояли на Уездской площади, рядом с пионерами, что несли свою почётную Вахту Памяти. И тогда мы решили, что одним из главных героев будущего фильма непременно должен стать советский танкист. Вот тот самый, что был сражён автоматной очередью на рассвете Победы... Или, может быть, тот, который, уже ничего не разбирая в дыму и огне, всё же сумел последним, самым отчаянным напряжением сил и воли направить свою машину на логово врага и смять, уничтожить это логово.

Ну, а остался ли кто-нибудь из экипажа легендарного танка в живых? Долго мы не могли узнать об этом. Но вот в «Комсомольской правде» появилась заметка студента факультета журналистики Московского университета Георгия Яковлева — заметка, которая как бы продолжила историю советского танка, ныне навечно прописанного в чехословацкой столице. Вот что сообщил в газете студент Георгий Яковлев:

«Недавно в читальном зале факультета журналистики Московского университета я познакомился с рослым мужчиной средних лет. Он спросил:

— Мне говорили, что вы бывали в Праге. Я тоже видел стобашенную красавицу... Правда, всего лишь несколько часов, пока не увезли в военный госпиталь. Осколком мины ранило, недалеко от танка.

Чуть помолчав, он добавил:

— Ищу московского корреспондента газеты «Руде право».

Хочется поговорить с чехословацкими друзьями, ведь танк, на котором я воевал, в почёте у пражан.

— Как? Неужели знаменитый двадцать третий?..

— Тот самый, челябинский!

— Как же вас зовут?

— Чернов, Валентин Александрович.

— Послушайте, — вскочил я, — ведь вас давно ищут!..

В тот день, у себя дома, Валентин Чернов, студент-заочник МГУ, продолжил рассказ:

— Я помню то утро. Это был последний день войны и первый день мира... Когда обливающаяся кровью Прага обратилась за помощью к Красной Армии, в числе первых её спасителей были добровольцы — челябинцы, свердловчане, пермяки. Мы мчались из-под Берлина на помощь страдавшемуся городу. «Отдыхать будем в Праге!» — говорили танкисты и спешили на юг. Усталость, казалось, отступила, только машины требовали отдыха — перегревались моторы.

А когда перевалили Рудные горы и вошли в первый чешский город — Мост, мы сразу почувствовали, как нас ждут здесь! Мне никогда не забыть те короткие волнующие встречи...

Впереди Уральского добровольческого танкового корпуса шли три боевые машины Челябинской танковой бригады. Среди них был и наш танк номер двадцать три. Командовал этой машиной гвардии лейтенант Иван Григорьевич Гончаренко. Механиком был коммунист Василий Мягков.

Ивана Григорьевича я хорошо знал. Это был отважный солдат. Его танк первым пересек польско-немецкую границу в январе 1945 года. И Гончаренко на пограничном столбе приколотил щит с надписью: «Вот она, фашистская Германия!» Танк номер двадцать три одним из первых вошёл в Берлин а вскоре мы с Гончаренко вновь сидели на башне и

Кадр из фильма «Потерянная фотография».

мчались в Прагу. Немного позади нас примостился чех Зденек с немецким автоматом, добытым в бою.

Вдали, на горизонте, сначала слабо, а затем всё сильнее и сильнее разливалось зарево пожара.

«Прага горит...» — сказал Зденек.

«А ведь он плачет, — тихо сказал мне Иван Гончаренко. — Вася, — крикнул он механику, — газу! Полный вперёд!»

И танк, послушный опытным рукам Василия Мягкова, рванулся к Праге, чтобы навечно остаться там...

Только через две недели, — закончил Чернов, — я узнал, что тогда у танка погибли Иван Григорьевич Гончаренко и его бессменный механик, прошедший с ним путь от самой Вислы, Василий Мягков...

Так я узнал историю танка-памятника, оставшегося навечно в Златой Праге».

...Так вот и мы узнали эту историю. И решили, что одним из главных героев нашего будущего фильма непременно должен быть советский воин, танкист — освободитель Праги.

* * *

На следующее утро мы, вместе с одним из своих будущих соавторов, Яном Пиксой, отправились в путешествие по чехословацкой столице.

С Яном Пиксой трудно ходить по городу. Юные пражане бегут за ним гурьбой. И даже солидные взрослые прохожие и те оборачиваются ему вслед. И улыбаются. Человек, который заставляет людей улыбаться, при одном виде которого у людей становится хорошее настроение... Что ж, можно только позавидовать такому человеку!

Яна Пиксу в Праге хорошо знают. Это он ведёт по вечерам с экрана телевизора увлекательные беседы сразу со всем городом, устраивает весёлые викторины, забавные игры...

Все пражане помнят не только лицо этого знаменитого «телеактёра», но и хорошо знают весь его гардероб: какие Пикса носит костюмы, какие галстуки.

В день нашего приезда Ян Пикса надел новый костюм. И это неудивительно: ведь он встретился со своими будущими соавторами по сценарию детского советско-чехословацкого фильма! Мы шли по улицам города и то и дело слышали:

— Пикса, у вас новый костюм? Поздравляем с обновкой!..

Кадр из фильма.

Да, наш соавтор действительно очень популярен в Праге. Но особенно хорошо его знают и любят дети. О, для них у Яна всегда неистощимый запас потешных историй, увлекательных игр, загадок, шарад, ребусов!

В тот же день Пикса пригласил нас в Дом пионеров на конкурс — «Хорошо ли ты знаешь страны наших друзей?». Надо сознаться, что мы оба, взрослые люди, не смогли ответить на некоторые вопросы, которые Пикса задавал ребятам со сцены. А пражские школьники отвечали!.. Они знали не только

названия наших городов, республик, областей, но и точно отвечали, какова наибольшая глубина Чёрного моря и какой мощностью обладают наши самые крупные гидроэлектростанции... И ещё о многом-многом другом уверенно, с полным знанием дела рассказывали в тот день юные чехи.

Мы, честно говоря, были даже немного удивлены тем, что пионеры так хорошо и точно знают всё, что происходит на нашей, советской земле и в других странах социализма.

— А может быть, ребята заранее знали вопросы, которые вы задавали, а? .. — осторожно спросили мы у Яна Пиксы.

Он даже обиделся немного:

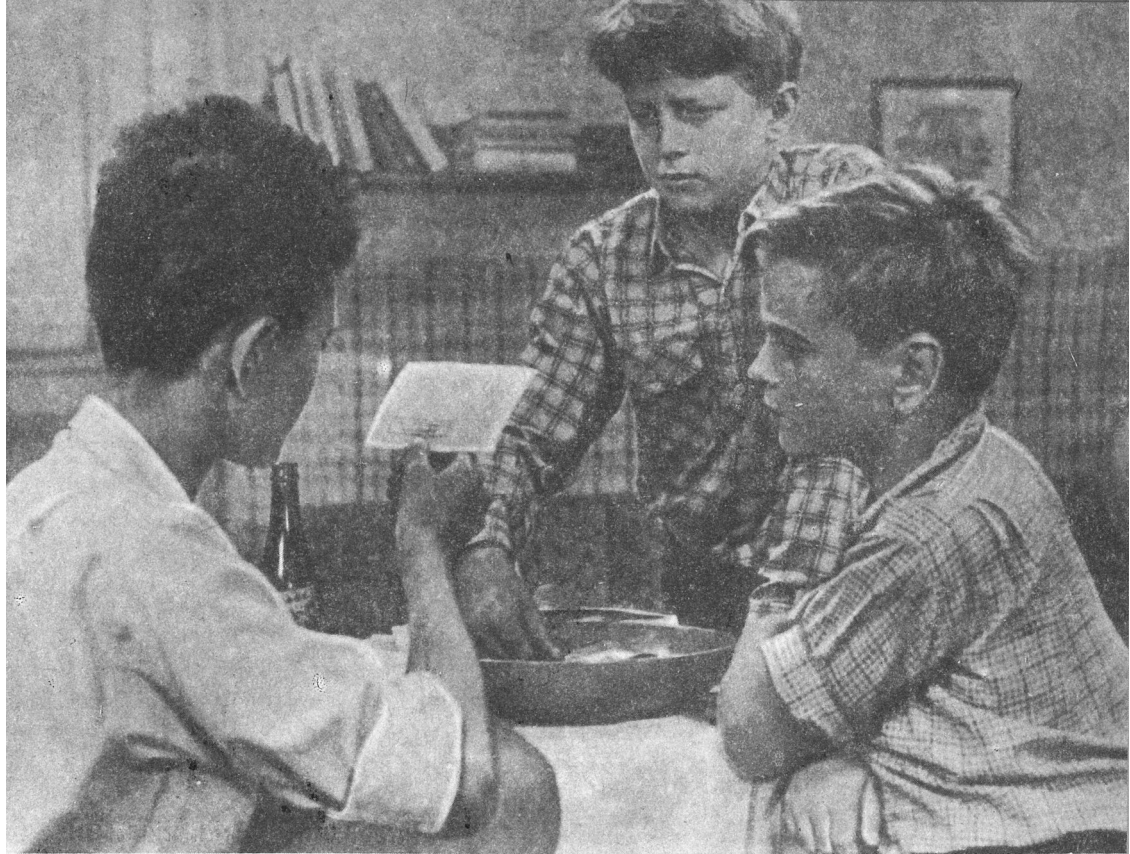
— Да нет же! Как вы могли так подумать?! Поверьте, что чешские школьники очень интересуются жизнью в странах наших друзей! Хотите ещё раз воочию убедиться в этом?

— Хотим!

— Тогда поедem сегодня же в город Остров! ..

Мы знали, что в Чехословакии нет моря — того солёного, вечно беспокойного простора, возле которого, к примеру, так удобно расположилась наша солнечная пионерская республика Артек. И рек в Чехословакии тоже мало. Встречаясь с нами, чешские ребята всё время просили: «Пусть в вашем фильме обязательно покажут море! Мы никогда не видели его. Только на картинах... Пусть герои вашего фильма отправятся в путешествие по морю! А? Ну, что вам стоит?»

Вот почему мы очень удивились, когда Ян Пикса предложил нам отправиться в город Остров, что неподалёку от Праги. «Какой же может быть остров без моря, без широкого речного простора? И откуда пришло к городу такое имя?» — недоумевали мы. Наш друг Ян сперва не смог объяснить, почему именно город называется Островом. А потом объяснил очень поэтически:

Кадр из фильма.

— Сейчас это название вполне подходит: вокруг города морем, прямо-таки настоящим океаном бурлит новая, молодая жизнь нашей молодой социалистической республики!..

Новая жизнь бурлила не только вокруг, но и в самом Острове — городе шахтёров и металлургов. Чтобы понять душу чехословацкого народа, достаточно услышать приветствие, которым обмениваются люди, встречая друг друга: «Честь праці!» («Слава труду!») Такое приветствие могло родиться лишь у того народа, который превыше всего ценит мир, свобод-

ный человеческий труд; у народа, который ненавидит разрушение и войну. Таков народ Чехословакии!

В городе Острове живёт, однако, не только трудовой, а ещё и очень весёлый народ. Мы убедились в этом, как только попали в Дом культуры шахтёров и металлургов. Мы слышали песни, марши и плавные танцевальные мелодии. На миг нам показалось, что мы у себя дома, в Москве, и приехали в Дом культуры завода «Калибр» или, скажем, фабрики «Красная Роза»: ведь все мелодии, которые радостно рванулись нам навстречу из многочисленных залов, были нашими, русскими мелодиями. Да, всюду звучала русская музыка...

Однако удивление наше было недолгим. Нам объяснили, что сегодня — вечер выпускников народных курсов русского языка. На этих курсах учатся и школьники и старые седовласые рабочие. Так вот почему и песни и танцы в тот вечер были такими же, как на каком-нибудь весёлом молодёжном балу у нас в Лужниках.

На сцену выходили чешские пионеры, их отцы и старшие братья, и все они одинаково смущались от нашего присутствия: им казалось, что они не совсем точно выговаривают русские слова и не всегда правильно строят фразы по-русски. А у нас на глаза набегали слёзы: так радостно и трогательно было слышать там, в стране друзей, стихи Пушкина и Маяковского, рассказы Гайдара и весёлую инсценировку про старика Хоттабыча. Да разве дело было в тот вечер в правильном или неправильном произношении? Нам казалось, что все слова произносились не голосом, а сердцами. Ну, а сердца, честные и дружеские сердца, никогда не ошибаются...

Ян Пикса торжествовал:

— Вот видите! А вы думали, что там, в Праге, я заранее подготовил ребят. Ничего подобного!.. У нас знают всё про

вашу страну. И не только про заводы или гидростанции. И книги знают, и стихи, и песни... Теперь верите?

Да, мы верили. Мы как никогда твёрдо верили в нерасторжимую дружбу народов-братьев.

* * *

... На этой мирной ромашковой поляне началась вторая мировая война. Здесь гитлеровцы в 1939 году перенесли границу Чехословакии и начали свой кровавый поход против народов Европы. Здесь впервые танки с чёрной свастикой вдавливали в землю цветы и травы. Сейчас над поляной солнце и кружатся птицы, не подозревая даже, что в своём беззаботном полёте они то пересекают границу с Германской Демократической Республикой, то границу с Федеративной Германией, то снова возвращаются в Чехословакию...

А на холме — школа, пионерская дружина которой самая лучшая в республике. Мы вошли в эту школу и изумлённо застыли на пороге: мы увидели алое, окаймлённое золотой бахромой знамя советских пионеров. И такие знакомые слова на красном полотнище: «Смена смене идёт!» Как оно попало сюда, это знамя? Оказывается, его прислали пионеры Москвы. И вот уже много лет знамя, как самая высокая награда, вручается лучшим пионерским дружинам страны.

Ребята окружили нас и, перебивая друг друга, торопились рассказать:

— В нашем городе были разрушены все дома, все до одного... А сейчас вы, наверно, этого и не заметили, да? Мы всей дружиной восстанавливали город! Ну, не одни, конечно... Мы помогали взрослым! А знаете, сколько часов мы отработали на воскресниках? Три тысячи восемьсот семь часов — вот сколько! А вы заметили, сколько у нас в городе зелени? Это

всё мы посадили. После войны одни головешки остались, а теперь — совсем другое дело! Мы не хвастаемся, честное слово, не хвастаемся, мы просто хотим, чтобы вы знали... А сказать вам, кто нам все эти дела подсказал? Ну, чтобы лом собирать и бумагу? Московские ребята! Мы с ними переписываемся...

Директор школы Павел Буриан говорит:

— Многие из того хорошего и доброго, что делает наша пионерская дружина, ей подсказали советские пионеры. И мы тоже обо всём хорошем спешим сообщить в Москву!

Брат директора школы, как мы узнали, учится в Москве, в Строительном институте. Скоро он станет инженером и будет возводить в родной Чехословакии новые здания, поднимать новые промышленные города. Между прочим, будущий инженер-строитель Станислав Буриан женился на нашей русской девушке-студентке. С её помощью хорошо изучил русский язык, а она свободно пишет письма по-чешски. В этих письмах Светлана рассказывает школьникам из местечка Границе о Москве, о своих планах приехать вместе с мужем в Чехословакию. Ребята тактично исправляют в письмах Светланы грамматические ошибки и отвечают ей письмами на русском языке: «Приезжайте! Будете как дома!...»

...Из окон классов ребята видят землю дружественной Германской Демократической Республики, откуда никогда не придёт на их землю беда. Недавно на этой границе, границе мира, был устроен волнующий вечер дружбы детей двух братских стран. Ребята вместе водили хороводы, вместе пели песни, вместе собирали букеты ярких и пахучих полевых цветов.

Такой же вечер можно было бы устроить и чуть западнее: ведь из окон школы, что расположена в местечке Границе, видна и земля Западной Германии. Но господин Аденауэр не

Кадр из фильма.

хочет вечеров дружбы, не хочет, чтобы дети двух соседних государств смотрели в глаза друг другу с радостью и доверием.

— Ничего! Придёт время — дружба перешагнёт и эту границу, как и все границы мира. Ведь правда так будет? — словно советуется с нами Павел Буриан. И мы крепко жмём ему руку в знак своего полного согласия.

...Здесь начиналась война. И есть великий, гордый смысл в том, что именно здесь находится лучшая пионерская дружина страны — та, что прославила себя делами труда и мира!..

А сейчас мы вернёмся к 1 июня, к тому дню, когда мы впервые приехали в столицу Чехословакии. В тот день президент страны устроил торжественный приём для пионеров.

Солнечно было на этом приёме! И невольно вспомнилось: на Международном конгрессе в защиту детей один представитель, побывавший в СССР, заявил, что он заметил у нас существование лишь одного привилегированного класса; таким «классом» являются дети. В Чехословакии подрастающее поколение — это тоже привилегированный класс. Всё лучшее — детям! Это, как и у нас, стало неписаным законом государства.

Юные путешественники, пришедшие на «приём» к президенту с рюкзаками и походными палатками, смотрели в тот день фильмы, и спектакли детского театра, и потешные кукольные представления, и спортивные состязания...

Но нет же — конечно, они не только «смотрели»: они во всём этом и сами участвовали — показывали и свои любительские фильмы, и свои самодеятельные пьесы, и сами гоняли по зелёному полю упругие кожаные мячи...

Страна по-матерински заботится о детях, но она вовсе не собирается растить их барчуками, праздными любителями готовенького! Пионеры и школьники демонстрировали в тот день своё трудовое мастерство: пилили, строгали, работали на станках. В тени могучих дубов и сосен с утра до вечера проходили увлекательные соревнования на «лучшего умельца».

... Когда вечер уже окутал палаточный пионерский лагерь бархатными сумерками, к нам подошёл запыхавшийся пионер.

— Меня зовут Яном, — сказал он по-русски. — А вы, кажется, из Советского Союза?

— Да, мы из Советской страны!..

— Тогда я хочу показать вам один свой рисунок. Я приготовил его к первому июня, к нашему празднику. Но ещё никому не показывал. Посмотрите, пожалуйста...

Мальчик бережно развернул небольшой листок бумаги, который он до этого прятал за спиной. Мы вместе с Яном подошли к ярко полыхавшему костру и увидели рисунок чешского школьника. Мы увидели родное лицо Владимира Ильича. Конечно, рисунок был очень несовершенным, но глаза Ленина источали такое тепло и такую ясную мысль, что от рисунка трудно было оторваться.

— Ты очень хорошо нарисовал. . . Очень хорошо! — взволнованно сказали мы.

— Вам правда нравится?

— Конечно, нравится! Ты молодец, Ян!..

Ну, а потом к костру вышел мальчуган, по имени Иржи. Он очень волновался, этот невысокий, голубоглазый паренёк с алым галстуком на груди. Ещё бы: ведь он один в тот день читал не чужие стихи, а свои собственные.

— Раньше я сочинял стихи только по-чешски, — сказал Иржи. — А сейчас я изучил русский язык и написал стихотворение по-русски. Оно посвящается товарищу Ленину...

Мы записали это стихотворение чешского школьника в блокнот и хорошо запомнили его наизусть. Вот оно:

Ленин — нам всех дороже,
Ленин — нам всем пример.
На него я хочу быть похожим,
И поэтому я — пионер.
Сердце моё, будь смелым!
И душа моя, будь горяча,
Чтобы мог я бороться за дело
Великого Ильича!..

А ещё мы расскажем о тринадцатилетнем Гонзике, который выступил в тот день на пионерском костре. Он сказал очень глубокие и умные слова, этот пионер из города Брно, — они запомнились нам надолго.

— Сегодня — день защиты детей! — сказал Гонзик. — Но, наверно, настанет время, когда название этого дня немного изменится: слово «защита» будет уже не нужно. Никто не будет грозить войной, и тогда на всей земле первого июня будут праздновать День счастливого детства. А чтобы так было, все дети земли должны крепко подружиться друг с другом. Ведь очень скоро мы вырастем — и это будет очень здорово, если мы все вырастем друзьями! Поэтому я и хочу сегодня от имени ребят Чехословакии послать привет всем детям земного шара. И прежде всего нашим самым дорогим товарищам — пионерам Советской страны!

Да, Гонзик так и сказал: «Прежде всего». Потом он обратился к нам и попросил передать этот привет вам, наши юные читатели, и всем вашим друзьям. И вот, перед тем как поздравить вас, юные читатели, со своей киноповестью, мы хотим «прежде всего» выполнить просьбу Гонзика.

И ещё мы хотим сказать, что пионер Гонзик, и маленький Иржи, что читал свои стихи у пионерского костра, и маленький Ян, нарисовавший портрет Ильича, и сотни других юных друзей, с которыми мы повстречались на чешской земле, помогли нам и нашим соавторам Яну Пиксе и Павлу Пасеку написать киноповесть о дружбе детей двух братских социалистических стран, — киноповесть, которую мы назвали так:

ПОТЕРЯННАЯ ФОТОГРАФИЯ

*Анатолий А л е к с и н
Сергей М и х а л к о в*

Потерянная фотография

Утренняя праздничная Прага. Город празднует день своего освобождения — 9 мая 1945 года. Звучат песни, весёлые голоса, смех. Пестрят разноцветные флажки, флаги, транспаранты. У памятника погибшим воинам сменяется караул пионеров.

Одна из пражских улиц. Здесь малоллюдно. Возле дома, на том месте, где когда-то погиб один из героев освобождения Праги, стоит почётный пионерский караул: мальчик и девочка. К стене дома прикреплена мемориальная доска. Надпись на доске прикрывает венок из живых цветов, перевязанных белосине-красной лентой. Дети, стоящие в почётном карауле, преисполнены сознанием своего долга. Лица их серьёзны. Так мы знакомимся с героями нашего фильма Вашеком и Алёной.

Меняются пионерские караулы. На смену Вашеку и Алёне становятся возле мемориальной доски другие мальчик и девочка. Вашек и Алёна уходят...

И вот уже они идут по вечерней Праге. Они идут по городу, то сворачивая в узкие переулки, то пересекая площади, то проходя по улицам под высокими каштанами. В свете витрин и реклам Вацлавской площади блестят дождевые плащи: серый и голубой. Ребята идут не спеша, молча, иногда улыбаясь друг другу... Вот мы видим, как Вашек и Алёна останавливаются возле закрытого уже в этот поздний час большого кафе-автомата.

Взглянув через витрину внутрь кафе, Алёна улыбнулась и посмотрела на Вашека. Тот кивнул головой и засмеялся. Видимо, оба они подумали об одном и том же...

— Это было давно... Нет, не очень давно... В общем, даже совсем недавно: в прошлом году, в конце мая... — говорит Алёна.

Солнечный майский полдень. Время обеда. В этот час в кафе на Вацлавской площади особенно много посетителей.

Возле одной из стоек, напротив дамы, неторопливо пьющей кофе, стоит Алёна. Осторожно, чтобы не запачкаться, несколько отступив от стойки, Алёна ест пирожное с кремом. Предосторожность не излишняя: Алёна надела сегодня новое платье.

В очереди за сосисками стоит Вашек. В руках у него портфель. Вот он берёт в руки тарелку с двумя сочными, горячими сосисками и, обведя взглядом кафе в поисках свободного места, направляется к той стойке, возле которой стоит Алёна. Здесь он не глядя опускает свой портфель на пол, и тот, слегка качнувшись, становится рядом с другим портфелем, который, по всей видимости, принадлежит Алёне. Тарелку с сосисками Вашек ставит перед собой. Он голоден. Ему не терпится поскорее приняться за еду. Одно неосторожное движение руки — и из-под ножа брызжет струя горячего жирного сока.

Алёна с ужасом глядит на забрызганное жиром новое платье. Хорошее платье испорчено! Алёна опускает руку с недоеденным пирожным на стойку и с возмущением глядит на

Вашека. Тот явно растерян и даже испуган. У него сразу пропал аппетит. Он переводит взгляд с вилки на нож, потом на сосиску, словно они-то и виноваты во всём происшедшем. Алёна ещё раз смотрит на платье: сверху донизу оно закапано жиром!

Алёна отодвигает тарелочку с недоеденным пирожным, и глаза её наполняются ненавистью.

— Болван! — шепчет Алёна.

— Извини меня! — тихо оправдывается Вашек.

— Тебе нельзя есть сосиски! — с презрением отвечает Алёна.

— Я не нарочно! — продолжает Вашек.

Полная дама тем временем предусмотрительно отодвигается от мальчика, не умеющего есть сосиски...

Внезапно Алёна совсем по-детски шмыгает носом:

— Теперь эти пятна не отойдут!

Так и не доев пирожного, Алёна хватает из-под стойки свой портфель и быстро направляется к выходу.

Полная дама сочувственно глядит вслед девочке и неодобрительно смотрит на Вашека.

Вашек, забыв о сосисках, устремляется за девочкой. На улице он нагоняет её.

— Извини меня! — ещё раз говорит он, шагая рядом с Алёной. — Всякие пятна выводятся! Честное слово!

— Да замолчи ты! — отмахиваясь от Вашека, отвечает Алёна с полными слёз глазами.

Мальчишка всё ещё идёт рядом с ней.

— Вот эту курточку, — продолжает Вашек, — я облил рыбьим жиром... И всё отошло! Теперь совсем незаметно... Посмотри!

Вашек задирает край курточки: ищет место, облитое рыбьим жиром, чтобы показать Алёне. Но та, даже не повернув головы в его сторону, садится в подошедший автобус. Автобус, презрительно фыркнув и пустив лёгкую струйку дыма, отъезжает.

Мальчик смотрит ему вслед.

Мимо Вашека проходит полная дама. Она узнаёт мальчика.

— Молодой человек! Там, под стойкой, валяется ваш портфель.

Вашек приходит в себя. Портфель! Даже не поблагодарив даму, он бежит обратно, к кафе-автомату...

...Возле входа в Пражский дом пионеров висит большой плакат. На плакате написано:

«Последний тур пионерского конкурса: «Знаешь ли ты страны своих друзей?»... Воскресенье... Вход свободный...»

Перед плакатом стоят два мальчугана. Один из них — Вашек. В руках у него портфель. Некоторое время ребята стоят молча.

— Первая премия — путёвка в Советский Союз! — неожиданно произносит мальчик, и на лице его возникает выражение затаённой зависти к будущему счастливчику — победителю конкурса. — Вторая премия — путёвка в Татры. В пионерский лагерь...

Вашек слушает мальчика, но не отвечает. У него отсутствующий взгляд: он думает сейчас о другом.

— Интересно посмотреть на того счастливчика, который на Чёрное море поедет! — продолжает парень. — Я себе даже не представляю, сколько нужно знать, чтобы стать победителем! Это же надо иметь в голове целую энциклопедию! Ты знаешь, какие они там задают вопросы?

— Знаю, — всё ещё продолжая думать о своём, говорит Вашек.

— Третий тур будет самый трудный! — объясняет мальчик, воодушевлённый тем, что незнакомый паренёк удостоил его ответом. — Ты пойдёшь?

— Я сам участвую в третьем туре, — отвечает Вашек. И вдруг обращается к разинувшему рот пареньку с довольно странным вопросом: — Слушай! Ты не знаешь, чем выводятся пятна от жира?

Паренёк растерянно моргает глазами.

Вашек снисходительно хлопает паренька по плечу и отходит от него. Он идёт по улице не спеша.

Паренёк смотрит вслед удаляющемуся Вашеку.

— Он думает, его будут спрашивать о том, как выводятся пятна! — говорит сам себе паренёк. — Чудак человек!..

...Дома у Вашека. Вашек сидит за столом, обложившись

книгами, справочниками и атласами. Рядом, на диване, сидит его верный друг Гонзик. На коленях у Гонзика толстый семейный альбом с фотографиями. Гонзик рассматривает альбом.

— А ну задай мне ещё один вопросик! — просит Вашек.

— Я уже устал! — тяжело вздыхает Гонзик, переворачивая страницу альбома. — Ты меня просто замучил...

— Ничего не поделаешь! — упрямо говорит Вашек. — Через два дня решается моя судьба! Мне же надо подготовиться! Задай, задай мне ещё один вопросик, Гонзик! Только потруднее, пожалуйста!

— Назовите мне столицу Албании, — «взрослым» голосом спрашивает Гонзик, продолжая разглядывать фотографии в альбоме.

— Гонзик, — строго говорит Вашек, — что это за вопрос? Такие вопросы можно задавать на первом туре. Неужели у тебя нет фантазии?

— Моя фантазия кончилась! — невозмутимо отвечает Гонзик. — Я устал. Ой, неужели это ты?

Внимание Гонзика привлекла фотография в альбоме: улыбающийся младенец в широком старинном кресле.

— Это моя мама! — смеётся Вашек, взглянув на фотографию.

В этот момент в комнату входит мать Вашека. Она подходит к мальчикам.

— Это вы? — спрашивает Гонзик у мамы Вашека и показывает пальцем на фотографию младенца.

— Да, это я, — улыбается мама Вашека. — Что, очень я изменилась? Правда?

Все смеются.

— А это кто? — не унимается Гонзик и, перевернув страницы альбома, показывает на фотографию, изображающую мужчину в белой летней безрукавке, с ребёнком на руках.

Ребёнок — русоголовая девочка — обнял мужчину за шею и прижался щекой к его щеке. Один край фотографии закапан чем-то бурым.

Мама Вашека становится серьёзной. Она садится на диван рядом с Гонзиком.

— Это советский танкист со своей дочкой! — говорит она, глядя на фотографию.

— Советский танкист? — не унимается Гонзик. — А почему карточка у вас в альбоме? Это ваш знакомый? А что это за пятно?

— Это следы крови... — уже совсем серьёзно отвечает мама Вашека и, взяв из рук Гонзика альбом, кладёт его себе на колени.

— Крови? — затаив дыхание спрашивает Гонзик и недоумевающе смотрит на Вашека.

— Мама! Расскажи Гонзику про эту карточку! — просит Вашек. — Расскажи, как она к нам попала! Пожалуйста! Мне было полтора года, — объясняет Вашек, обращаясь к Гонзику. — Я сам ничего не помню.

— Расскажите, пожалуйста! — просит Гонзик.

Мама осторожно вынимает фотографию танкиста из альбома...

...Предмесье Праги. То самое место, та черта, где город незаметно переходит в пригород: недалеко от больших городских домов одноэтажные кирпичные домики с зелёными палисадниками.

Со скрежетом подминая под себя серую ленту шоссе, мчатся танки с красными звёздами на броне. Из города доносятся взрывы, пулемётные очереди: там идёт бой...

Один из танков неожиданно прижимается к обочине дороги и останавливается. Не перестают сердито рокотать моторы, словно недовольные внезапной остановкой.

И вот уже к грозной боевой машине со всех сторон спешат люди, на ходу обламывая ветки сирени и наспех составляя из них букеты. По лицам людей видно: они счастливы, что хоть один танк остановился и они смогут увидеть, обнять воинов-освободителей.

Среди людей, бегущих к танку, женщины, подростки да

несколько пожилых мужчин. Но вот мы видим, как улыбки застывают, как бы каменеют на лицах людей, обступивших советский танк.

Из люка танка с трудом, поддерживаемый товарищем, вылезает высокий русоволосый танкист. Лицо его посерело, губы бледны. Левой рукой он стиснул правое плечо. Синий комбинезон в этом месте потемнел от крови.

Вслед за танкистом на землю прыгивает и командир танка — черноволосый, небритый, стройный. Взволнованной скороговоркой, с небольшим восточным акцентом, он говорит, обращаясь к окружившим танк чехам:

— Надо помочь!.. Бинт... бинт... Перевязать рану! И воды! Воды! Понимаете? Пить!

Люди понимают танкиста. Толпа сразу рассеивается: все спешат выполнить просьбу бойца. Молодая женщина, возле домика которой остановился танк, быстро опускает на землю своего маленького сынишку Вашека и бежит к дому. Малыш, оставшись один, сразу начинает сосредоточенно, с чисто мужским интересом исследовать гусеницу танка.

Раненый боец, прислонившись к броне машины, указывает товарищу на кровавое пятно, расплывшееся на комбинезоне:

— Замочит документы... Достань их, Вартан! Переложи... .

Командир танка осторожно вынимает из кармана гимнастёрки раненого танкиста какие-то книжечки, бумажки, письма и перекладывает их в карман его брюк.

В это время к танку со всех сторон спешат люди. Несколько ведер воды выстраивается на земле возле машины.

Молодая женщина принесла из дому ножницы, вату, йод и бинт. Быстро и ловко она перевязывает рану танкисту. Тот с благодарностью смотрит на неё, кивает ей головой:

— Спасибо! Вот спасибо! Ладно. Хорошо. Спасибо!

Уж эти-то русские слова понятны ей наверняка!

Танкисты бережно, словно драгоценность, передавая из рук в руки ведро, утоляют жажду.

К танку со всех сторон спешили люди.

— Приезжайте к нам! Возвращайтесь! — говорит молодая женщина, вновь беря на руки своего малыша.

— Ладно! Вечером... После работы! — шутит командир танка и указывает на город, где, по всему видно, ждёт его нелёгкая боевая «работа».

И вот уже танк, рванувшись с места, устремляется к Праге. Кто-то успевает в последний момент прикрепить букет сирени к его броне; так вот и ринется в бой эта машина с букетом сирени...

Люди смотрят вслед танку. И вдруг женщина с ребёнком на руках замечает лежащую на земле фотографию. Её, видимо, обронил командир танка, перекладывая документы товарища из одного кармана в другой. Женщина наклоняется и поднимает фотографию. На карточке молодой русоволосый мужчина с ребёнком на руках. Это тот самый боец, которому только что перевязывали рану. Только на фотографии он весёлый и улыбающийся, не в замасленном боевом комбинезоне, а в белой летней безрукавке... На руках у него маленькая девочка с пушистыми локонами.

Молодая женщина с фотографией в руках смотрит вдаль, туда, куда только что умчался танк с раненым владельцем фотографии.

Боевая машина уже далеко; она влилась в поток таких же стремительных машин, рвущихся в город, несущих с собой освобождение от фашистской неволи...

Женщина вновь переводит глаза на карточку. И вновь — фотография... И снова мы видим лицо женщины. Только черты его стали старше и строже, волосы посеребрились...

Мама Вашека закончила свой рассказ. Вашек и Гонзик молчат.

— Разрешите мне посмотреть ещё раз! — нарушает молчание Гонзик и протягивает руку за фотографией.

Гонзик благоговейно и серьёзно всматривается в фотографию, как бы воскрешая перед собой только что прослушанный рассказ.

Мама Вашека выходит из комнаты.

— Переверни карточку и посмотри, что там написано! — неожиданно произносит Вашек.

Гонзик переворачивает карточку. На обратной стороне фотографии стоит штамп фотоателье: «Одесса, улица Гоголя, дом 27».

— Прочитай, что там написано! — приказывает Вашек.

— «Одесса», — читает Гонзик по-русски. — Ну и что?

— Неужели ты ничего не понимаешь? — тоном заговорщика говорит Вашек, наклоняясь к своему верному другу. — Одесса! Понимаешь? А где находится эта самая Одесса? На Чёрном море! И, если я получу первую премию на конкурсе, я попаду в Одессу! Понял, Гонзик? Понял мою мысль? Я попаду в Одессу, и со мной будет эта фотография! Понял? И я найду этого танкиста, и я приду к нему и скажу...

Гонзик преображается. Он всё понял. Он понял теперь, почему Вашек так упорно занимается, почему он так хочет стать победителем третьего тура. И вдруг Гонзик обижается.

— Почему же ты мне раньше этого не сказал? Почему ты скрыл от меня свой план? Разве это по-товарищески? — перебивает он своего друга. — Это нечестно!

— Прости, Гонзик! — сердечно и искренне говорит Вашек и кладёт руку товарищу на плечо. — Прости! В первый раз! Я не хотел тебе этого говорить потому, что вдруг я не выиграю. А если бы я выиграл, я бы сразу тебе всё рассказал. А сегодня так получилось... Теперь ты всё знаешь.

— Ладно! — восклицает Гонзик и вскакивает со своего места. — Я тебя прощаю! Но теперь-то ты должен выиграть во что бы то ни стало! Обязательно! И ты выиграешь! И я представляю себе, как ты найдёшь в Одессе этого советского солдата и как ты скажешь ему... Что ты ему скажешь?

Вашек тоже воодушевился. Он тоже вскочил со своего места. Глаза его горят.

— Что я ему скажу? Я ему скажу: «Здравствуйте! Вы меня не знаете. А я вас знаю! Помните Прагу? Помните, как вам перевязывали рану? Это была моя мама. Тринадцать лет мы хранили в нашем альбоме вашу фотографию. И вот теперь мы

её вам возвращаем. Может быть, у вас больше нет фотокарточек? Возьмите её, пожалуйста, и давайте переписываться!»

Всё это Вашек выпалил на одном дыхании. Он хотел ещё что-то добавить, но Гонзик внезапно схватил его за руку.

— Садись! Давай заниматься! Задаю вопрос! Отвечай!

Сев к столу, Гонзик сразу сосредоточивается и опять чужим, «взрослым» голосом спрашивает у Вашека:

— На какой китайской реке построена самая мощная гидроэлектростанция?

Вашек молчит. Думает.

— Вот это действительно вопрос! — шепчет он. — Это тебе не «назовите столицу Румынии». На какой реке построена...

Вашек машинально берётся за свой портфель и открывает его. Щёлкает замок.

— Сейчас... сейчас!.. — бормочет Вашек и лезет в портфель за какой-то книгой. И вдруг он в испуге выдёргивает из портфеля руку.

— Что там? Змея? — спрашивает Гонзик.

Вашек осторожно, с испуганным видом вновь залезает в портфель и двумя пальцами вытаскивает из него носовой платочек.

— Платочек! — шепчет Гонзик. — Смотри пожалуйста!

Осторожно, словно взрывчатое вещество, подносит Вашек к носу платочек и сразу отбрасывает его в сторону:

— Надушенный! Девчачий!

Друзья склоняются над портфелем. Постепенно извлекают они всё его содержимое: ленточку для кос, аккуратно завёрнутые в белую бумагу тетради, учебники, большой гребень и, наконец, несколько писем.

Вашек и Гонзик с интересом рассматривают конверты с наклеенными на них советскими марками.

— «Прага, 2, — читает вслух Вашек адрес на одном из конвертов, — Ярослава Гашека, 24, квартира 7, Алёне Градской».

— Письма из Советского Союза! — восторженно говорит Гонзик. — Из Одессы! От Марины Кавун!..

— Теперь я знаю, где она живёт! — не слушая друга, восклицает Вашек.

Вашек быстро укладывает всё обратно в портфель, выхватывает из рук опешившего друга письма.

— Давай сюда письма!

— Интересно прочитать, что там написано! — нерешительно говорит Гонзик, глядя, как письма скрываются в портфеле.

— Улица Гашека, 24, квартира 7, Алёна Граская, — шепчет Вашек, запирая на портфеле замок. — Это очень удачно получилось, что мы поменялись портфелями! Очень удачно!

С этими словами Вашек срывается с места. Снимает с полки копилку и зачем-то нетерпеливо начинает вытряхивать из неё монеты.

Разложив на гладильной доске новое шерстяное платье дочери, закапанное жиром, мать Алёны при содействии соседки пытается вывести пятна. Алёна находится тут же. Она наблюдает за всеми манипуляциями, которые её мать и соседка производят над платьем.

— Ничего не получается! — горестно вздохнув, говорит мать Алёны.

— Может быть, выстирать его в горчице? — советует соседка.

— Бесполезно, — отвечает мать Алёны. — Придётся отдать в химическую чистку. Это будет стоить не меньше двадцати пяти крон. Ты сама виновата! — неожиданно обращается она к дочери. — В кафе надо выбирать себе соседей!

— Откуда я знала, что он не умеет есть сосиски? — оправдывается Алёна. — И я даже не заметила, как он подошёл и встал напротив, такой ненормальный!..

В дверь стучат. Алёна подходит к двери и отворяет её. Перед ней стоит Вашек. Алёна быстро выходит на площадку лестницы и прикрывает за собой дверь. Глаза её щурятся от гнева.

— Ты? Ты что, следишь за мной?..

— Я принёс твой портфель! — растерянно бормочет Вашек. — Мы случайно обменялись портфелями там... в кафе...

Вашек осторожно протягивает Алёне её портфель. Алёна быстро открывает его и, убедившись, что портфель действительно её, защёлкивает замочек.

— Надеюсь, тут всё цело? — иронически спрашивает она, берясь за ручку двери.

— Как ты можешь так спрашивать? — В голосе Вашека звучит обида.

— От тебя всего можно ожидать! — отрезает Алёна. — Стой здесь. Я сейчас вынесу тебе твой...

Захлопнув за собой дверь, Алёна скрывается. Вашек остаётся стоять на площадке лестницы. Он достаёт из кармана деньги.

Дверь открывается. Появляется Алёна. Она без слов протягивает Вашеку его портфель.

Вашек берёт портфель и, в свою очередь, без слов протягивает Алёне деньги.

— Что это? — насторожённо спрашивает Алёна.

— Деньги! — умоляющим голосом говорит Вашек. — Возьми! Я прошу тебя! Тут хватит на чистку!

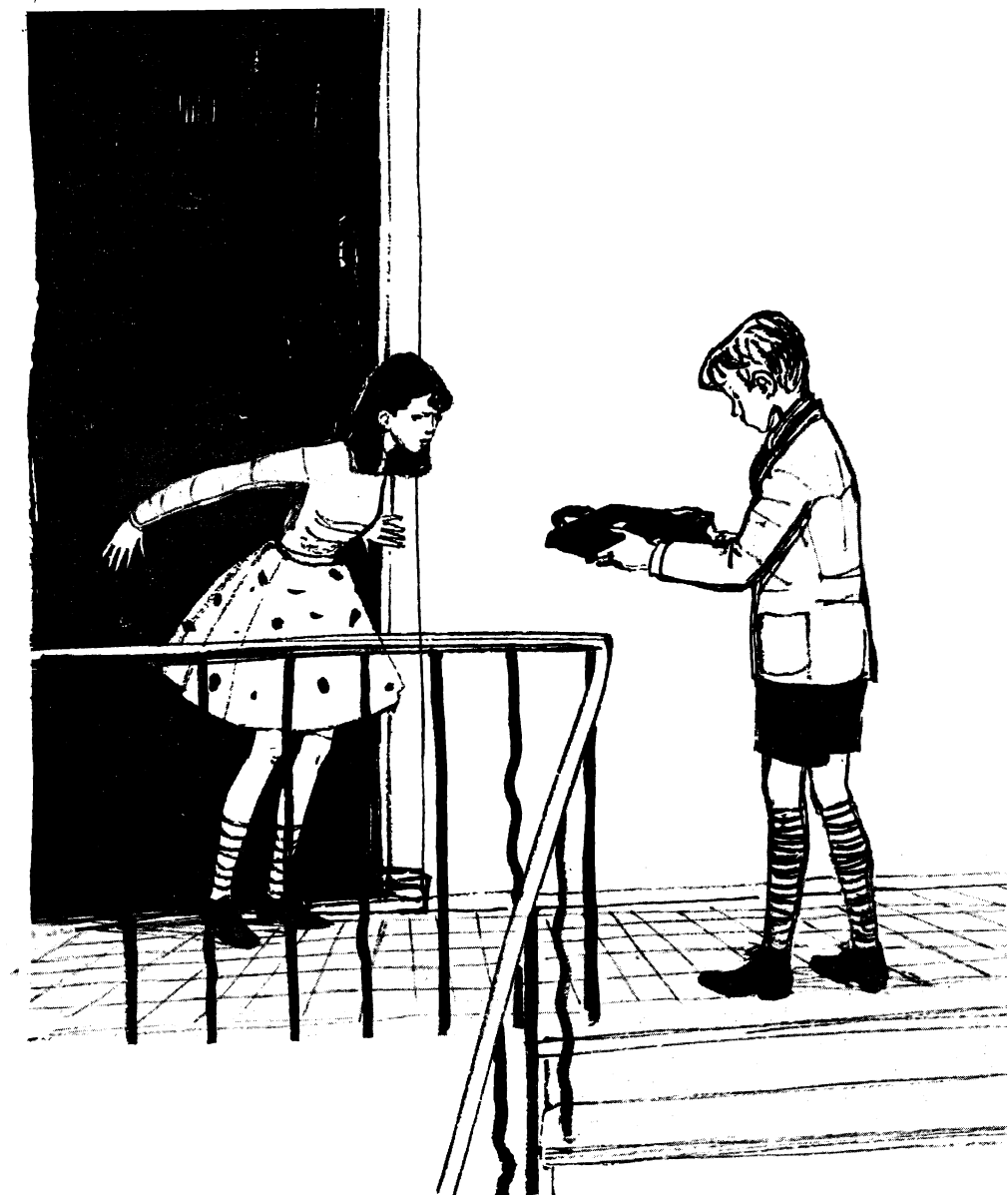
— Не нужны мне твои деньги! Пятна уже отчистились! — гордо и независимо отвечает Алёна. — Прощай! — и хлопывает перед носом у Вашека дверь.

Вашек так и остался стоять перед дверью с протянутой рукой, в которой лежат его сбережения.

Пражский Дом пионеров.

Со всех сторон спешат сюда ребята в алых пионерских галстуках. Работники радио и телевидения с таким видом, будто они-то и являются главными виновниками торжества, тянут шнуры и провода, вносят в двери осветительные приборы.

Вашек и Гонзик пробиваются сквозь толпу ребят. Гонзик — верный друг и оруженосец Вашека — нагружен книгами и атласами, которые могут пригодиться ещё до начала

— Я принёс твой портфель! Мы случайно обменялись портфелями там... в кафе...

конкурса. Вашек сосредоточен и собран. Друзья входят в вестибюль Дома пионеров. Кто-то окликает Вашека:

— Вашек! Вашек!

Гонзик с недовольным видом оборачивается.

— Нам некогда! Неужели не понимаете? Потом!

Друзья теряются в толпе ребят. Мы видим в группе девочек Алёну. Подруги окружили её и что-то наперебой говорят ей. Алёна смотрит на них отсутствующим взглядом.

Зрительный зал Дома пионеров. Шум и волнение в рядах среди детской публики. Ребята рассаживаются, перекликаются, машут друг другу руками. Кто-то потерял номерок от гардероба и лезет за ним под стул, кто-то нетерпеливо хлопает в ладоши... Здесь же готовятся к съёмке операторы телевидения и кинохроникёры.

В первом ряду, рядом с Вашеком, расположился Гонзик. На коленях у него книги и атласы. Он с нескрываемым волнением смотрит на сцену, где в это время идут последние приготовления: развешивают большие карты Советского Союза, Китая и других стран социалистического лагеря...

Дома у Вашека.

Вся семья Вашека и даже соседи-«болельщики» собрались у телевизора. Как всегда в подобных случаях, без конца передвигаются стулья, и хозяйка дома, мама Вашека, суетится больше всех:

— Вам хорошо видно? Сядьте поближе! Сейчас начнётся!..

Но вот все уселись и умолкают.

Диктор на экране обращается к телезрителям и ребятам, до отказа заполнившим зрительный зал.

— Мы начинаем последний и решающий тур пионерского конкурса «Хорошо ли ты знаешь страны наших друзей?». Напоминаем, что победитель дружеского соревнования получает первую премию — трёхнедельное путешествие на советском теплоходе по Чёрному морю. В Моравии эту премию завоевал Пётр Глабазня из Остравы-Прживоза, а в Словакии — пионер

Лацо Маркус из Жилины. Кто же станет победителем пражского соревнования?

Ребята в зрительном зале насторожённо и с большим вниманием следят за каждым словом диктора.

— Итак, я приглашаю на сцену двух претендентов на первое место: Алёну Граскую и Вашека Калабиса.

Вашек с крайним удивлением смотрит на вышедшую из седьмого ряда и теперь поднимающуюся на сцену Алёну.

— Алёна Граская... Где-то я слышал эту фамилию... — шепчет Гонзик, разглядывая девочку. — Вашек! Вставай! Иди же! Тебя вызвали!.. — подталкивает он под локоть своего друга.

На экране телевизора видно, как на сцену выходят Алёна и Вашек. Они становятся возле своих щитов, где в белых квадратах готовы вспыхнуть цифры, отмечающие количество очков.

Диктор. Знакомьтесь, ребята!

Вашек и Алёна пожимают друг другу руки. Расходятся.

Диктор (*обращаясь к зрителям*). Претенденты, Вашек Калабис и Алёна Граская, только сейчас познакомились друг с другом. По условиям конкурса соревнующиеся должны ответить на двадцать пять вопросов. На каждый ответ даётся три минуты!

— Сколько же надо набрать очков? — спрашивает курносая девчушка, сидящая в зрительном зале, у своего соседа — веснушчатого мальчугана лет десяти.

— Не знаю! — отвечает мальчуган. — Я ничего не знаю. Не мешай смотреть!

— И зачем ты только сюда пришёл, если ничего не знаешь! — удивляется девочка.

— Чтобы что-нибудь узнать! — невозмутимо отвечает мальчуган, не сводя глаз со сцены.

— Итак, мы начинаем! — говорит диктор. — Просим соревнующихся ответить на первый вопрос...

Зрительный зал замирает.

— Что сейчас делают китайские пионеры?

Вопрос задан. Диктор с секундомером в руках ждёт.

Все сидящие в зале задумываются над этим вопросом. «Что сейчас делают китайские пионеры?» Вот это вопрос!

— А что они сейчас могут делать? — спрашивает толстый пионер у своего соседа.

Тот пожимает плечами.

Вашек никак не может сосредоточиться. Если бы не эта Алёна, он бы обязательно ответил на вопрос. Он бы догадался! «Что сейчас делают китайские пионеры?» Станный какой-то вопрос! Нет ли тут какого-нибудь подвоха?

Алёна напрягает всю свою волю. «Что сейчас делают китайские пионеры?» А что они могут сейчас делать? Взгляд Алёны скользит по детским лицам в зрительном зале и случайно останавливается на циферблате больших стенных часов. Стрелки часов приближаются к трём часам дня.

Алёна быстро поднимает руку. Через пять секунд кончается «минута раздумья»!

— Китайские пионеры сейчас ложатся спать! — раздаётся голос Алёны.

Во рту у неё от волнения пересохло, и потому голос звучит не так уверенно.

— Ложатся спать? — как бы удивляется диктор-ведущий. — Почему же они ложатся спать?

— Потому что в Пекине сейчас десять часов вечера: между пражским и пекинским временем семь часов разницы! — уверенно отвечает Алёна.

В зале раздаются аплодисменты.

Гонзик роняет на пол книги.

В зале подружка Алёны говорит своей соседке:

— Вот посмотришь, она выиграет! И поедет в Советский Союз! Она вчера из Одессы опять письмо получила, там её ждут.

— Кто?

— Марина Кавун!..

В квадрате щита за спиной Алёны вспыхивает красная единица. В квадрате щита за спиной Вашека зажигается ноль.

Алёна и Вашек стали возле своих щитов, где в белых квадратах вспыхивали цифры, отмечающие количество очков.

На экране телевизора видно, как Вашек, стараясь сосредоточиться, трёт лоб.

Соседка (с удивлением). Смотрите, неужели сейчас в Китае уже десять часов вечера?

Мама Вашека, приблизившись к экрану телевизора, вполголоса произносит:

— Не волнуйся, Вашек!

Словно на стремительном космическом корабле, со сказочной скоростью переносимся мы из одной страны в другую: Советский Союз, Китай, Болгария, Румыния... Мы видим столицы этих стран, слышим песни разных народов, мы плывём по Янцзы, по задумчивой Влтаве, по широким и вольным просторам Волги... Это путешествие мысленно совершают Алёна и Вашек, отвечая на вопросы диктора. Мы слышим их голоса, то взволнованные и глухие, то звонкие и поспешные, уверенные и робкие...

— Будапешт!

— На реке Волге!

— В Закарпатской Украине!

То и дело зажигаются всё новые и новые цифры на щитах соревнующихся. Алёна и Вашек не уступают друг другу в ответах. Но вот Алёна отстаёт на два очка... У Вашека уже одиннадцать очков! Затем счёт сравнивается. По лицу Алёны видно, что она устала. Вашеку тоже приходится нелегко: соперница хорошо подготовлена. И вот последний, решающий вопрос!

— Последний вопрос! — объявляет диктор. Он устал и вытирает лоб платком. — Сейчас вы услышите голос одного из советских спутников! Какому спутнику принадлежит этот голос?

Зрительный зал замирает. Все прислушиваются. И вот из радиорепродуктора доносится голос спутника: «Пи-пи-пи-пи!»

Кто подавал Вселенной эти сигналы? Какой спутник? Их было три. Чей это голос?

Вашек прислушивается. Сейчас он ответит! Сейчас... сейчас... Он знает.

Это второй...

— Это второй! — одновременно про себя шепчут Алёна и Вашек. И одновременно смотрят друг на друга.

И тут Вашек внезапно видит перед собой лицо Алёны таким, каким оно было в то мгновение, когда она отвернулась от него там... возле кафе... В его памяти проносятся воспоминания: сосиски... платье... портфель...

Гонзик совсем съехал со стула.

В притихшем зале всё ещё звучит голос второго советского спутника.

— Это радиосигнал второго советского спутника! — тихо, но всем кажется, что очень громко, объявляет Алёна.

В квадрате на щите за спиной Алёны вспыхивает цифра «13».

Ребята вскакивают со своих мест, кричат, хлопают в ладоши. Гонзик убит. Он тупо смотрит на сцену.

Притихшие, сидят зрители у телевизоров.

— Путешествие по Чёрному морю из Одессы в Сухуми и обратно выиграла Алёна Граская. Вторая премия — путёвка в Татры — вручается Вашеку Калабису.

— Ну что же, — говорит мама Вашека. — Поехать на месяц в Татры тоже удаётся не каждый год!

Победители конкурса пожимают на сцене друг другу руки.

— Ты что ж, мне нарочно проиграл?..

Вашек молчит...

В зрительном зале шумно приветствуют двух победителей конкурса.

Все, кроме Гонзика, хлопают в ладоши.

— Ты почему не хлопаешь? — спрашивает какой-то любопытный пионер.

— Как я с ним намучился! — отвечает мрачный Гонзик. — Он обязан был выиграть! Он не мог забыть, что это голос второго спутника! С ним просто что-то случилось!

На улице, возле Дома пионеров, ребята шумной толпой окружили Вашека.

— Я проиграл из-за тебя пять марок Бельгийского Конго! — с укоризной говорит один мальчик.

— Мы так за тебя переживали! — вздыхает толстый паренёк. — Я даже вспотел.

— Как вам не стыдно! — одёргивают их две девочки с косичками. — Он в таком состоянии!.. Не слушай их, Вашек! Мы приготовили тебе цветы. Вот они... На, возьми!

Вашек поворачивается и, опустив голову, направляется к остановке трамвая. Все смотрят ему вслед.

Девочки суют букет цветов в руки растерянного Гонзика. Гонзик с букетом в руках срывается с места и бежит за другом.

— Вашек, погоди!

Тот останавливается.

— Ну?

— Я понимаю. Ты ей нарочно уступил? Да?

Вашек презрительно усмехается и идёт дальше. Грустный Гонзик остаётся стоять один.

Предмestье Праги. Вечер. Небольшой, уже знакомый нам домик. Соседки окружили мать Вашека.

— Всё, что ни делается, всё к лучшему! — успокаивают соседки маму Вашека. — Мало ли что могло бы с ним случиться на этом Чёрном море!

— Кто бы мог подумать, чтобы в этом соревновании победила девочка! — вздыхает одна из соседок. — Впрочем, я сразу заметила: в её лице было что-то мальчишеское!

В садик вбегает взъерошенный Гонзик.

— Здравствуйте, пани Калабисова! Вашек дома?

— Он пошёл прогуляться... Кажется, на Карлов мост... — отвечает мама Вашека.

— На Влтаву? На Карлов мост? — Гонзик меняется в лице. — Не волнуйтесь, пани Калабисова. Не волнуйтесь! Я его догоню... Я его верну...

Гонзик исчезает. Мать Вашека и соседки недоуменно переглядываются.

...Набережная. Во весь дух, толкая прохожих и шепча себе под нос торопливые извинения, которые слышит только он сам, спешит Гонзик. По пути он рассуждает сам с собой:

— Нет, он всё-таки не такой дурак, чтобы пойти топиться!.. Ну, подумаешь, проиграл... Из-за этого не стоит бросаться в реку...

Гонзик бежит уже по Карлову мосту, в тревоге присматриваясь к одиноким прохожим. И вдруг он видит: облокотившись на перила, стоят рядом мальчик и девочка. Гонзик замедляет шаги и, не замеченный ребятами, останавливается в тени, возле одной из статуй Карлова моста.

Вашек и Алёна стоят рядом. Они молча смотрят вниз, через перила, на тёмную, отражающую прибрежные огни Влтаву.

— Река — это всё-таки не море... — говорит Вашек, нарушая молчание, и, плюнув через перила, с интересом следит за падающим вниз плевком.

— Не знаю... Наверное... Это всё, что ты мне хотел сказать? — иронически спрашивает Алёна. — Ты поклялся по телефону, что у тебя ко мне есть какое-то важное дело! Так что же всё-таки ты мне хотел сказать?

— Одну вещь я тебе уже сказал, — отвечает Вашек. — Что я тебе проиграл не нарочно. Ты себе даже не можешь представить, как я хотел выиграть!

— Почему же ты не выиграл? — насторожённо интересуется Алёна.

— Я задумался... — бесхитростно объясняет Вашек. — Я почему-то вспомнил, как мы с тобой познакомились... Сосиски... Платье... Сам не знаю, почему мне это как-то сразу пришло в голову... А ты в это время уже ответила...

— Нашёл что вспоминать! — с показным равнодушием отвечает Алёна. — Я и то уже забыла... Так что же ты мне хотел сказать? Зачем ты меня вызвал на это... свидание?..

Вашек выпрямляется и смело глядит в глаза Алёне. Некоторое время молчит, как бы испытывая её. Затем, собравшись с мыслями, твёрдо и решительно говорит:

Ты едешь в Советский Союз!
Ты будешь в Одессе! Ты можешь
выполнить одно пионерское поручение?

— Какое поручение?—недоуме-
вающе спрашивает Алёна.

— Я хотел это сделать сам, —
говорит Вашек. — Я хотел найти
советского солдата и лично пере-
дать ему эту карточку...

Вашек лезет за пазуху и достаёт
знакомую нам фотографию. Прот-
ягивает её всё ещё ничего не пони-
мающей Алёне. Та осторожно берёт
из рук Вашека фотографию, при
свете фонаря смотрит на неё.

Ни Алёна, ни Вашек не догады-
ваются, что в нескольких шагах от
них затаив дыхание наблюдает за
ними Гонзик. Маленький разведчик
не слышит их разговора, но он ви-
дит, как Вашек достаёт что-то
из-за пазухи и протягивает Алёне.
Гонзик догадывается, что это за-

ветная фотография.
Гонзик видит, что Алё-
на долго смотрит на
карточку и затем пря-
чет её в сумочку. По-
том Вашек и Алёна
отходят от перил и
идут по мосту рядом.
Вашек, очевидно, рас-
сказывает Алёне всю
историю с советским
танкистом.

*Вашек и Алёна молча смотрят вниз, через перила, на отражающую
прибрежные огни Влтаву.*

Дети удаляются. За ними на некотором расстоянии следует, как тень, маленький Гонзик...

Перрон пражского вокзала.

Сколько путешественников, столько разных характеров, желаний, вкусов, планов и настроений.

В Советский Союз едут люди разных возрастов и разных профессий: рабочие и врачи, инженеры и журналисты, агрономы и крестьяне... И каждый говорит о своём.

Молодой человек в синем берете, с пишущей машинкой в руках, сообщает своему собеседнику:

— Я журналист! И мне надо будет писать не меньше трёхсот строк в день! Надо написать серию очерков. Так что моря я почти не увижу...

— А меня интересуют чайные плантации возле Батуми! — доверительно отвечает ему собеседник, полный человек, в котором легко угадывается сельский житель. — Всю жизнь я пью пиво, но в данном случае меня интересует чай!..

Если бы руководитель группы чехословацких туристов пан Туричек не был уже давно седым, он бы, наверное, мог поседеть сейчас. Туристы буквально осаждают его со всех сторон. Вот он стоит на перроне, окружённый тремя путешественницами. У него отсутствующий взгляд, он не слышит задаваемых ему вопросов, он думает о своём: кто-то из туристов опаздывает!

— Содруг Туричек! — обращается к нему одна из туристок. — С парохода можно будет посылать письма и телеграммы?

— Пожалуйста!

— Пан Туричек! Что мне делать? Я взяла с собой ключи от квартиры! Я успею позвонить приятельнице?

— Попробуйте!

— Как в это время года море? В шторм меня укачивает!

— Пан Туричек! Говорят, в нашей делегации будут дети?

С этим вопросом обращается к нему только что подошедшая толстая туристка.

Возле одного из вагонов Алёна познакомилась с высоким художавым подростком.

— Дети будут!— решительно отвечает пан Туричек, машет кому-то рукой:—Содруг Пасек!—и устремляется вдоль состава.

Возле одного из вагонов Алёна знакомится с высоким, худощавым подростком. Он с рюкзаком за плечами, с большим биноклем и фотоаппаратом на груди. Из бокового кармашка клетчатой куртки выглядывают головки авторучек. В руке у него толстая общая тетрадь в красной папке. Мальчик близорук, носит очки, и это придаёт ему ещё большую серьёзность.

— Пётр Глабазня из Остравы-Прживоза! — представляет-ся он с достоинством, пожимая руку Алёне.

Подскакивает бойкий паренёк, который, несмотря на полноту, очень подвижен и суетлив.

— Поздравляю! — восклицает он, обращаясь к Петру. — У нас уже есть нянька!

— Я?! — удивляется Алёна и даже отступает на шаг.

— Да нет, не ты! — просто отвечает мальчик. — Лацо Маркус из Жилины! Будем знакомы! — Он поспешно и деловито протягивает Алёне руку. — Знаете, к нам приставили учительницу. Она будет следить за каждым нашим шагом!

— Я это предвидел, — говорит Пётр, разглядывая в свой бинокль туристов на перроне. — Какая она из себя, эта учительница?

— Пожилая... Седая такая... — говорит Лацо. — Да вот она, прощается со своей дочкой!

— Где? Где? — интересуется Пётр и направляет бинокль в ту сторону, куда показывает Лацо.

Возле журнального киоска разговаривают две женщины. Одна — молодая, лет двадцати четырёх, стройная, стриженная «под мальчика». Другая — пожилая, с добрым лицом.

— Иржина! Запомни, что меня с тобой не будет! Ты не должна выходить на станциях из вагона! И не высовывайся в окно. Не лежи долго на солнце: загар проходит, а больное сердце остаётся. Я буду беспокоиться!

— Хорошо, мама! Хорошо! — оглядываясь по сторонам, говорит девушка. — Ты забываешь, что я уже не школьница!

Я уже учительница! Прости, меня зовёт руководитель. До свиданья, мама! Я буду писать!

Женщины целуются.

За окнами вагонов сменяются пейзажи Чехословакии. Мелькают переплёты мостов, телеграфные столбы, лужайки, пёстрые от полевых цветов. Лес то подбегает к самому полотну железной дороги, то взбирается на холмы и горы, то опускается в долины...

— У меня двести человек, у вас всего трое! — говорит Туричек Мачковой, стоя в коридоре вагона. — Но это дети! А за ними надо смотреть и смотреть!

— Я вас понимаю! — отвечает Мачкова. — Они не должны выходить на станциях. Не должны высовываться из окна. Я вас правильно понимаю?

— Абсолютно правильно. Одним словом, под вашу ответственность, — заканчивает разговор Туричек и открывает дверь в своё купе.

В одном из купе сидят трое юных пассажиров: Алёна, Пётр и Лацо. Дети успели не только познакомиться, но, кажется, уже и подружиться. Сейчас они заняты тем, что сортируют свои запасы продуктов.

— Давайте всё сюда! — командует Лацо.

Ребята охотно достают и выкладывают всё, что они взяли с собой в дорогу. Тут и огурцы, и колбаса, и сыр, и яблоки, и пирожки, и пирожные...

— Сначала уничтожим то, что быстро портится! — говорит Лацо и начинает откладывать в сторону скоропортящиеся продукты. — Вы как любите огурцы? В коже или чищенные? Хотя огурцы мы оставим на завтра: они ведь не портятся!

Никто ему не возражает. Все молча соглашаются.

В соседнем купе сидят Мачкова и полная туристка.

— Вот вы сидите здесь, а они там уже, может быть, вылезли на крышу! — делает предположение полная туристка, наливая из термоса кофе.

— Ну почему же обязательно на крышу?! — смеётся Мачкова. — Моя задача заключается в том, чтобы они не видели во мне нянюку. Иначе я отравлю им всё существование!..

— Но ведь от них только и жди проказ: что-нибудь разобьют, разольют...

Рывок поезда — и кофе из чашки опрокидывается на платье полной дамы.

Ребята в купе стукаются лбами.

По рукам ходит заветная фотография Вашека. Дети серьёзно и с интересом разглядывают фотографию.

— Взрослые ничего не должны знать, — уверенно говорит Лацо, передавая фотографию Петру. — А то они всё возьмут в свои руки и всё испортят!

— Если мы найдём этого солдата и его девочку, я смогу здорово описать всё это в своём путевом дневнике, — говорит Пётр.

— Девочке сейчас, должно быть, уже девятнадцать лет! — задумчиво произносит Алёна. — Она уже окончила школу...

— Давайте мне сюда эту карточку! — неожиданно говорит Лацо. — Она будет храниться у меня!

— Нет уж! — возражает Алёна. — Она будет храниться у меня!

— Тогда я за неё не отвечаю! — обиженно восклицает Лацо.

Мчится поезд. Дымят за окнами вагонов трубы фабрик и заводов, мимо которых, замедляя на стрелках ход, проходит пассажирский состав.

Ночь.

В купе вагона спят дети и учительница Мачкова. Точнее сказать, спят Алёна и учительница. Лёжа на верхних полках, не спят Лацо и Пётр. Лацо задумчиво ест яблоко.

— Перед нами нелёгкая задача, — шёпотом говорит Пётр, обращаясь к Лацо. — Найти в СССР бывшего танкиста, не зная его имени и фамилии! Перестань жевать!..

— В Одессе у Алёны есть подруга... Это раз! И потом ведь мы кое-что уже знаем! Это два! — также шёпотом возражает Лацо. — Фотография сделана в Одессе, на улице Гоголя, дом номер двадцать семь... — и откусывает яблоко.

По рукам ходила заветная карточка.

Идёт поезд, приближаясь к границе Чехословакии и Советского Союза...

Одесса.

По солнечной, обсаженной каштанами улице идёт группа чехословацких туристов. Их интересует всё: и архитектура города, и мемориальные доски на зданиях, и памятники, и фасоны летних платьев, и витрины магазинов...

Мы видим знакомых нам Туричека, полную туристку, учительницу Мачкову и, конечно, наших юных героев: Алёну, Петра и Лацо. Туристы устали после осмотра города. Некоторые из них, в частности полная туристка, плетутся с трудом, отставая от основной группы. Туричек идёт рядом с гидом, то и дело оглядываясь на своих соотечественников. Он тоже устал и часто вытирает платком пот со лба. Мачкова записывает что-то в записную книжку.

— Сейчас мы выходим к оперному театру, — бодро говорит девушка-гид. — Это второй по красоте оперный театр в мире. Как вам хорошо известно...

— А мы не можем пройти к театру по улице Гоголя? — вдруг спрашивает Алёна.

Все туристы поворачиваются к ней.

— Да... Мы слышали, что это очень красивая улица, — приходит Алёне на помощь хитроватый Лацо.

— Это самая обыкновенная улица. Вторая направо... Она лишена каких бы то ни было исторических памятников. А где вы о ней слышали? — удивляется девушка-гид.

Туричек гордо выступает вперёд.

— Они изучили все города Советского Союза! И почти все улицы! Ведь они лауреаты конкурса «Хорошо ли ты знаешь страны наших друзей?».

— Ах так?! Очень интересно! Возвращаюсь к оперному театру...

Долговязый Пётр, пошептавшись с Алёной, начинает фотографировать дом, который явно не представляет никакого интереса для съёмки. Тем временем группа туристов сворачи-

ваает за угол. Как только она скрывается из виду, Алёна восклицает:

— Вторая улица направо! Бежим!

И вот уже улица Гоголя. Прохожие обращают внимание на ребят, которые по внешнему виду чем-то, едва уловимым, отличаются от юных горожан Одессы. Мелькают белые таблички на фасадах домов: «21», «23», «25»...

И вот наконец все трое перед домом номер 27. Это самый обычный, ничем не примечательный дом в городе. И на первом этаже его ничем не примечательное учреждение: столовая. Столовая? Вот странно!

Лацо аппетитно потягивает носом: столовая!

— А где же фотоателье? — недоумевает Алёна.

— Я бы с удовольствием пообедал! — продолжает Лацо.

— Как тебе не стыдно! В такой момент думать о еде! — возмущается Алёна.

— На сытый желудок мы бы гораздо быстрее всё отыскали.

— Пожалуйста! — Алёна протягивает Лацо рогалик. — Насыщай свой желудок, если ты для этого приехал за границу! — с презрением восклицает Алёна. — Правда, Пётр?

Петру отвечать некогда: он в этот момент запечатлевает на фотоплёнку дом номер 27.

Алёна останавливает прохожего:

— Просим вас... просим вас сказать нам (от волнения она говорит не очень складно)... где здесь фотоателье?

— А вы что, нерусские? — спрашивает в ответ прохожий, обратив внимание на акцент Алёны.

— Ано! Ано! Нерусские! Нерусские! — охотно, радуясь, что прохожий хоть что-то понял, соглашается Алёна. И незаметно одёргивает Лацо: — Перестань жевать!

— Мы туристы! Из Чехословакии! — солидно поясняет Пётр.

Вокруг уже начинают собираться любопытные.

— Вы хотите сфотографироваться? — спрашивает симпатичный прохожий. — Я могу проводить вас в самое лучшее фотоателье.

— Лучше всех снимает мастер Симанчук! — авторитетно заявляет кто-то. — Я фотографируюсь у него буквально с пелёнок.

— Нет, нет... Вы нас не поняли... — пытается объяснить Алёна. — Здесь было ателье в этом доме! И оно нам очень нужно.

— В этом доме?..

Все прохожие вместе с ребятами задирают голову вверх и шарят глазами по этажам.

— Да-а... — вспоминает старожилка Одессы с хозяйственной сумкой в руках. — Я помню, до войны здесь была фото-витрина.

Чешские туристы продолжают своё путешествие по городу.

— Сейчас мы подходим к порту! — бодро вещает девушка-гид. — Здесь можно увидеть флаги всех стран!

Мачкова отстала от группы. Она взволнованно оглядывается по сторонам: где же её питомцы?

Туричек незаметно, словно ничего не подозревая, наблюдает за Мачковой.

...Неширокий одесский переулок. Перегородив его с одного тротуара до другого, движется шумная толпа. Это наши юные чешские друзья в окружении одесситов, с которыми они познакомились на улице Гоголя.

— И надо же, чтобы ваша подруга жила как раз в таком маленьком, некрасивом переулочке! — сокрушается старожилка Одессы с хозяйственной сумкой в руках.

— Ну вот мы и дошли, — говорит одна из сопровождающих. — Дом номер семнадцать.

— Большое спасибо! — благодарит Алёна.

— А может быть, вас до квартиры проводить? — спрашивает симпатичный прохожий.

— Нет, нет, мы сами найдём! Спасибо! До свиданья!

— Честь праці! — неожиданно произносит один из одесситов.

— Честь праці! — обрадованно кивают головой дети.

Трое ребят поднимаются по лестнице.

— Почему Марина нас не встретила, просто понять не могу! — удивляется Алёна. — Я же послала ей и письмо и телеграмму!

Ребята останавливаются на площадке возле квартиры № 7. Алёна несколько раз нажимает кнопку звонка.

— Э-э, чего зря звонить-то?! — восклицает Лацо и подбегает к почтовому ящику, который набит до отказа: из него высовываются газеты и корешки журналов.

Лацо пытается что-то вытащить оттуда.

Алёна останавливает его:

— Как тебе не стыдно лазить в чужой ящик!

— Вот где находится твоё письмо! — торжественно, словно сделав крупное открытие, заявляет Лацо. — Ящик скоро лопнет: значит, в квартире никого нет... Все уехали. И твоя Марина тоже.

— Согласен. Здесь нам нечего делать, — говорит Пётр.

— Ну, что ж... Пошли!.. — грустно соглашается Алёна.

Друзья начинают медленно спускаться вниз. Им навстречу вверх по лестнице взбегает загорелая девчонка с букетом полевых цветов в руках. Не обратив внимания на ребят, она пробегает мимо.

Все трое, как по команде, останавливаются и прислушиваются к шагам девочки.

— Нет, побежала выше... — вздыхает Алёна.

И они продолжают спускаться вниз.

Между тем девочка, поднявшись ещё на один этаж, стучит в дверь. Ей открывает другая девочка.

— Маринка! Ты? — восклицает она. — Тебя отпустили с дачи?

— Я удрала!

— Как же это?

— Я записку оставила: «Вызвали в город по важному делу!» А по какому, сама не знаю. Ты написала: «Выезжай!» — и всё!

— У меня денег только на одно слово хватило, — оправдывается Катя.

— А что случилось?

— Слышу вчера: к вам в дверь стучат, чуть прямо не выламывают. Спускаюсь и вижу: телеграмму принесли! Международную, от Алёны Граской!

— Приехали?!

— Нет! С утра, как часовой, возле твоей квартиры дежурю. Вот только на десять минут отлучилась — Женьку покормить. Ой, когда ты у нас наконец вырастешь?! — обращается она к маленькому брату, сидящему с полным ртом над тарелкой каши.

Марина подходит к банке с уже увядшими цветами и машинально выбрасывает их в окно.

— Ой! Что это ты? С ума сошла? — вскрикивает Катя и выглядывает в окно. Она видит: букет попал в группу стоящих во дворе ребят.

— Нас забрасывают цветами! — не без иронии констатирует Пётр, снимая с плеча увядшую ромашку.

Лацо и Алёна смотрят на окно, из которого выбросили букет. Из окна смотрят две девчонки.

— Мы нечаянно! Извините! — кричит Марина.

— Ничего! Ничего! — по-чешски отвечает Алёна и, приветливо улыбаясь, машет рукой.

— Чего, чего? — про себя шепчет Марина, и вдруг до её сознания доходит догадка. — Алёна! — истошно кричит она, чуть не вываливаясь в окно.

Алёна оборачивается.

— Нас забрасывают цветами! — не без иронии сказал Пётр.

...Внизу, во дворе, вокруг садового столика собрались наши юные чехи и Марина с Катей. У Марины в руках карточка.

— Это очень интересно! — решительно заявляет Марина.

— Но очень трудно! — добавляет серьёзно Катя. — Вы же не знаете ни имени, ни фамилии этого танкиста!

— Не знаем! — грустно соглашается Лацо.

— Вот именно, не знаем! — подтверждает Алёна.

— И потом прошло уже столько лет... — добавляет Пётр. — Может быть, вообще... — не договаривает своей мысли Пётр.

— Что — вообще? — сердито спрашивает Алёна.

— Ну, вообще... Он не живёт больше в Одессе или ещё что-нибудь, — неуверенно оправдывается Пётр.

— Он живёт в Одессе! Одесситы не так легко покидают свой город! — решительно вмешивается в разговор Марина, всё ещё рассматривая фотографию. — Мне даже кажется, что я его где-то видела!..

Ребята с удивлением и надеждой смотрят на Марину.

— У меня есть план! Сначала посоветуемся с моим дядей.

— Я только проверю, доел ли Женька кашу! — говорит Катя. — Я вас догоню!

— А где твой дядя? — интересуется Алёна.

— В стакане! — не моргнув глазом, отвечает Марина.

И вот он, этот «стакан», — на углу шумной одесской улицы. Из него хорошо видны потоки троллейбусов и автомашин.

— Это называется стаканом? — серьёзно спрашивает Пётр и записывает что-то в свою тетрадь.

— Да! — бойко отвечает Марина. — Видите, стеклянный! А внизу металлический!.. Подождите меня здесь!..

Пётр записывает что-то в записную книжку.

— Дядя Гриша! А, дядя Гриша! — обращается Марина к милиционеру, сидящему в будке.

— Марина?! Ты в городе? — с удивлением спрашивает регулировщик, не глядя на свою племянницу, и продолжает переключать светофор.

— Дядя Гриша, у меня к вам срочное дело!

— Что случилось? Какое дело?

— Международное!

— Международное? — улыбнувшись, переспрашивает милиционер, на мгновение отвлекаясь от работы и дав «зелёную улицу» потоку транспорта. — Ну, что за дело такое?

— Посмотри на эту карточку! — Марина протягивает ему фотографию. — Это бывший танкист, освобождавший Прагу. И его дочь... Нам нужно найти их. Во что бы то ни стало! Как это сделать?

Милиционер достаёт блокнотик и карандаш, готовится записывать.

— Очень просто! Фамилия? Имя? Отчество?

— Вы, дядя, спросите ещё адрес! Тогда и искать не надо! Мы же ничего этого не знаем!..

Возле светофора, несколько дольше обычного задержавшего движение на перекрёстке, накопилось довольно много автомашин.

— Что он, заснул там, что ли? — произносит один из шофёров, с нетерпением выглядывая из кабины.

— Может, он давно уже живёт в другом городе, — говорит в это время регулировщик, переводя рычажок светофора. — Слушай! Ты мне мешаешь работать!

— Дядя! Неужели вы не можете нам помочь?

— Милиция тут бессильна!

— Ах, бессильна?! — возмущается племянница. — Прекрасно! Тогда мы его сами найдём!

Четверо ребят молча идут по улице.

— Я уже не рада, что обещала Вашеку выполнить его поручение, — грустно, глядя себе под ноги, говорит Алёна. — Где теперь найдёшь этого солдата? Как это сделать?

— А что, если он всё-таки живёт сейчас в Одессе? — восклицает Марина. — А мы говорим: «Нельзя! Невозможно!»

Я знаю! Я знаю, что надо делать... У меня есть блестящий план! Идёмте! Быстро! За мной!

... У входа в большой, солидного вида дом вывеска: «Редакция областной газеты». По ковровым дорожкам длинных коридоров бесшумно, с деловым видом проходят люди. Перед обитой клеёнкой дверью с табличкой «Главный редактор» сидит секретарша. То и дело в приёмную входят люди с одним и тем же вопросом:

— Главный у себя?

— Он пишет передовую! — благоговейным полусшёпотом сообщает секретарша, и сотрудники почтительно удаляются.

И вдруг секретарша меняется в лице. Тишина нарушена: откуда-то из конца коридора к кабинету редактора приближаются звонкие голоса, совершенно не желающие считаться с законами и традициями учреждения. В приёмную входит делегация ребят во главе с Мариной.

— Отдел пионерской и комсомольской жизни на третьем этаже, — сухо произносит секретарша.

— А нам нужен главный редактор! — звонко сообщает Марина.

— Это невозможно! Он детей не принимает... И вообще он сейчас занят.

— А это и не дети вовсе! Это иностранные туристы. Делегация. А я их переводчица. (Она обращается к изумлённым чехам.) Вот видите... Это приёмная главного редактора нашей газеты. Это секретарь. Познакомьтесь!

Все трое ребят поочерёдно протягивают секретарше руку:

— Честь праці! Честь праці! Честь праці!

Двое сотрудников с гранками в руках появляются в дверях:

— Главный у себя?

— Он занят, — сообщает секретарша и снимает телефонную трубку. — Буфет? Принесите, пожалуйста, в кабинет главного фруктовой воды и бутербродов. У нас сейчас будет иностранный приём.

... Знаменитая одесская лестница. По ней спускается группа чехословацких туристов. Отсюда вид на порт. Заметно, что даже неутомимая девушка-гид немного устала.

— Эта лестница известна многим из вас по фильму «Броненосец «Потёмкин»! — сообщает она. — Потом мы поднимемся вверх, и вы сами убедитесь.

— Если можно, мы не будем подниматься наверх, а поверим вам на слово... — робко говорит кто-то из туристов.

Мачкова, полная растерянности, оглядывается по сторонам.

Кабинет редактора. На столе бутерброды и бутылки с фруктовой водой. Лацо налегает на еду, и Алёна время от времени одёргивает его.

Редактор ходит по кабинету. Он, словно оправдываясь в чём-то, обращается к Марине:

— Но поймите: ближайшие номера ужасно загружены! Материалы о себе, о новых методах жилищного строительства, о физкультурной олимпиаде, три больших статьи о борьбе за мир...

Тут Марина буквально подсказывает в кресле.

— А это разве не о борьбе за мир?! Большие статьи никто не читает! Я знаю... А это все прочтут! Как мать Вашека помогла раненому советскому солдату и как двенадцать с половиной лет где-то далеко-далеко, в чешской семье, хранилась эта карточка со следами крови. Вот видите, тут следы крови, правда, очень бледные... И ещё все узнают, как чешские пионеры привезли эту фотографию сюда, чтобы передать её бывшему танкисту, потому что она очень дорога ему... Разве это не борьба за мир?!

— Хорошо! — сдаётся редактор. — Оставьте нам фотографию. Мы поместим её через три дня в воскресном номере и дадим «шапку». Ну, какую-нибудь такую: «Откликнитесь, бывший танкист! Вас ищут чешские дети!» Или что-нибудь вроде этого. Договорились?

— Нет. Я не могу оставить карточку! — твёрдо возражает Алёна.

— Не бойся! Не бойся! Я буду следить! — убеждает её Марина. — Я потом перешлю её тебе авиапочтой вместе с газетами. В любой город, где остановится ваш теплоход. Согласна?

Алёна обводит вопрошающим взглядом своих товарищей.

Редактор снимает телефонную трубку:

— Андрей Маркович! В воскресенье на третью полосу поставим вместо «Летних советов врача» один важный материал... Клише и подпись к нему. Нет, нет, не тасовский...

По направлению к порту идёт группа знакомых нам ребят. Они возбуждены, о чём-то разговаривают...

К постовому милиционеру подходит Иржина Мачкова. Она что-то спрашивает у него. Проходящая мимо машина заслоняет её от нас.

В порту стоит большой теплоход. По трапу поднимаются чехословацкие туристы.

Один из туристов с возмущением говорит, обращаясь к другому:

— Всё-таки это безобразие! Мы, взрослые, ходим организовано, а дети проявляют самостоятельность! А теперь изволь волноваться за них! Безобразие!

— А зачем волноваться? — как бы успокаивая себя, отвечает собеседник. — С ними ничего не может случиться! Здесь не Западный Берлин!..

— Но они же отлично говорят по-русски! — успокаивает одна из туристок полную соседку.

— До отхода теплохода ещё целых три часа!.. Дивный теплоход! Только бы меня не укачало!..

— Бедная Мачкова! Я не завидую ей! — слышится в ответ.

...Одесская улица. На углу улицы стоит Мачкова. У неё

растерянный вид. Кажется, она вот-вот заплачет. Из-за угла появляются пятеро ребят. Все они едят мороженое. Смеются.

— Мачкова! — неожиданно говорит Алёна и дёргает за рукав Катю. Та чуть не подавилась мороженым.

Ребята в нерешительности останавливаются.

— Кто? — не понимает Катя.

— Наша руководительница! Мы от неё убежали! — шепчет Алёна.

Мачкова видит ребят.

— Ой! — не может удержаться она от радостного крика. — Куда же вы пропали? Заблудились?

— Нет! — решительно отвечает за всех Алёна. — Мы не заблудились! Мы нарочно отстали!

— Нарочно? — удивляется Мачкова.

— Да! — говорит Пётр.

— И мы вам сейчас всё расскажем! — продолжает Алёна. — Познакомьтесь, пожалуйста, с нашими друзьями.

Рассвет над морем.

Кипит за кормой зелёно-голубая вода. Необозрим и прекрасен морской простор. На горизонте, словно недвижимые, застыли рыбацьи шаланды.

Теплоход, мерно покачиваясь, идёт по курсу. Большое судно похоже на доброе, могучее животное. Рассекая грудью морскую толщу, оно дышит ровно и спокойно. Мерно стучат машины...

Мы видим на палубе одинокую фигуру. Это Алёна...

Мысленно она сочиняет письмо Вашеку:

«Вечером я так и не дождалась, когда теплоход тронется. Я заснула. А когда я проснулась и выглянула в окошечко, мы уже плыли... В Чехословакии нет моря. Я читала о море только в книгах. И вот оно! Какое большое!.. Сколько же в нём воды! Ой!.. Жалко, что Вашек не увидит его... А что, если вдруг поднимется шторм и вся эта солёная вода...»

Тут вдруг из спасательной шлюпки, висящей над палубой, до слуха Алёны долетают странные крики:

— Лево руля! Право руля! Сос! Сос! Помогите! Помогите!

На миг Алёна цепенеет. А потом бросается к шлюпке. Лацо и Пётр, стоя в шлюпке, раскачивают её из стороны в сторону. На них пробковые спасательные пояса...

— Что вы делаете? — кричит Алёна. — Куда вы залезли?

Заметив её, Пётр восторженно, потеряв всю свою солидность, вопит:

— Человек за бортом! Человек за бортом!

— Давай руку! — вторит ему Лацо, обращаясь к Алёне. — Мы в открытом море! Мы потерпели кораблекрушение! А ты — в воде... Сейчас мы тебя спасём! Давай руку! Сейчас...

Увлекаемая мальчиками, Алёна падает в лодку...

— Надевай пояс! — командует Лацо.

— Что это такое? — раздаётся строгий, громовой голос. — Кто вам разрешил залезть в шлюпку? До чего додумались!.. А ну-ка, сейчас же марш отсюда! Вылезайте, вылезайте!

Пётр и Лацо испуганно выглядывают из-за борта шлюпки и видят молодого высокого матроса, лицо которого не предвещает ничего доброго. Мальчишки собираются спрыгнуть на палубу, но матрос останавливает их:

— Сначала снимите пояса!..

Ребята послушно и смущённо выполняют это распоряжение, а потом с помощью молодого матроса переправляются на палубу. Они стоят тихие, как-то сразу присмиревшие.

— И чего только ваши родители смотрят? Спят?

— Мы без родителей, — тихо говорит Алёна.

— И вообще мы попали туда нечаянно, в шлюпку... Случайно... — невпопад оправдывается Лацо.

— Нечаянно... Случайно... — ворчит моряк.

— Мы туристы... — сообщает Пётр.

— Откуда вы?

— Из Чехословакии!..

— Из Праги, — добавляет Алёна.

*Лацо и Пётр, стоя в шлюпке, раскачивают её из стороны в сторону.
На них пробковые спасательные пояса.*

— Из Праги, значит? — задумчиво переспрашивает моряк. Мачкова, прикрывая за собой дверь в каюту мальчиков, выходит на палубу.

— Опять исчезли... — тихо, как бы про себя, сокрушается она. И вдруг сталкивается с Туричком.

В этот ранний час он вышел на палубу подышать свежим воздухом.

— Доброе утро! Как ваши питомцы? Спят? — по привычке спрашивает Туричек.

Из-за угла, сопровождаемые матросом Костей, идут ребята, весёлые, счастливые.

Алёна бросается к учительнице:

— Где мы были! Что мы видели!

— Где же вы были? — спокойно, будто ничего не произошло, спрашивает учительница.

— Мы были в машинном отделении! — восторженно сообщает Лацо.

— А потом на капитанском мостике! Хочу пригласить своих новых друзей в матросский кубрик, — подмигнув ребятам, говорит матрос Костя. — Разрешите?

— Пожалуйста!

Плывёт корабль... И, не отставая от него, плывёт над пенным простором песня, тихая, задумчивая. Мы спускаемся в матросский кубрик и видим, что эту песню поёт матрос Костя. Он сидит на койке с баяном в руках. Его слушают друзья-моряки... А на тумбочке — фотография: мужчина в белой летней безрукавке, с ребёнком на руках. Да, да, такая же точно фотография, какую издавна привезли ребята...

В садике дома, где живёт Марина, собрались ребята.

— Завтра в газете должна быть напечатана фотография танкиста! — сообщает Марина внимательно слушающим её мальчишкам и девчонкам.

— Мы устроим посты в редакции и типографии! — продолжает она.

Подбегает запыхавшийся паренёк.

— Ну, Борька, что ты узнал? — обращается к нему Марина.

— В типографию без пропусков нельзя!

— Та-ак! — вслух рассуждает Марина. — Ничего страшного. Каждый из нас принесёт из дому по пятнадцать копеек. И вы с Вовкой и Катей целый вечер будете звонить из автомата в типографию. Проверять! Понятно?

— Целый ве-ечер!.. — говорит Катя. — А с кем Женька будет?..

— Возьми его с собой! И тарелку каши можешь прихватить: в автоматной будке покусает... А Сашка, Соня и я поставим посты в редакции.

В приёмной редактора газеты. Здесь дежурит Марина. Она стоит, как на посту, возле окна.

Секретарша в явно нервном состоянии.

— Вы что же, так и будете до самого вечера здесь сидеть? — спрашивает она Марину.

— Нет. Я только до трёх. Потом меня сменят...

Фотолаборатория редакции. Здесь дежурит любознательный, задумчивый паренёк, по имени Сашка. Он придирчиво разглядывает оттиск и клише, которые показывает ему лаборант.

— По-моему, лицо танкиста не очень ясно получилось, вам не кажется? — тихо, как бы извиняясь, говорит Саша. — Может быть, ещё раз переделать?

— Я уже делаю третье клише!

— Сделайте четвёртое! — умоляющим голосом просит мальчик. — Надо ведь, чтобы он себя узнал! Понимаете?

— Понимаю! Понимаю!.. — сердится лаборант.

В будке телефона-автомата, тесно прижавшись друг к другу, стоят Вовка и Борька. Катя с Женькой маются на улице, возле будки.

Вовка высовывается из будки:

— Дай-ка ещё монетку!..

Катя протягивает ему кепку. Ого, да в ней уже полно монет!..

— Женьке спа-ать пора-а... — зевает Катя.

— Ещё разочек! — бросает на ходу Вовка и скрывается в автоматной будке.

Он набирает номер телефона.

Типография. Печатается очередной номер газеты. Стучат печатные машины.

Выпускающий, высокий и сухопарый человек, с очками на носу, в чёрном халате и нарукавниках, просматривает свежие оттиски завтрашнего номера.

На одной из полос знакомая фотография: бывший танкист с маленькой девочкой на руках. Под фотографией набрана записка.

Звонит телефон. Выпускающий снимает трубку.

— Слушаю!

Будка телефона-автомата.

— Печатают! — говорит Вовка.

— Спроси ещё раз! На всякий случай, — шёпотом подсказывает Борька.

— Значит, вы печатаете?! — вновь кричит Вовка в трубку.

— Печатаем, печатаем! Завтра утром увидишь в газете, — устало говорит выпускающий и кладёт трубку на рычаг. Потом он вновь склоняется над полосой газеты и говорит сам себе: — Волнуются!.. Надоели... А всё-таки молодцы!..

Передвинув очки на лоб, начинает вслух читать записку:

— «Эту фотографию привезли наши друзья из Чехословакии».

Из печатной машины один за другим вылетают свежие номера газеты. . .

Вовка высунулся из будки:
— Дай-ка ещё монетку! . .

...Извилистая горная дорога, ведущая из Ялты в пионерский лагерь Артек. Открытый автобус заполнен весёлыми, загорелыми артековцами, среди которых мы видим чехословацких пионеров и учительницу Иржину Мачкову. Она сидит рядом с пожилой седенькой женщиной.

Ветер бьёт в лица пионерам, заставляет придерживать руками косынки и белые панамы, треплет алые галстуки. Звучит задорная артековская песня:

Везут, везут ребят!
Машины встречные гудят:
«Куда везёте столько человек?»
Прохожий смотрит вслед,
И слышит он в ответ:
«В Артек! В Артек...»

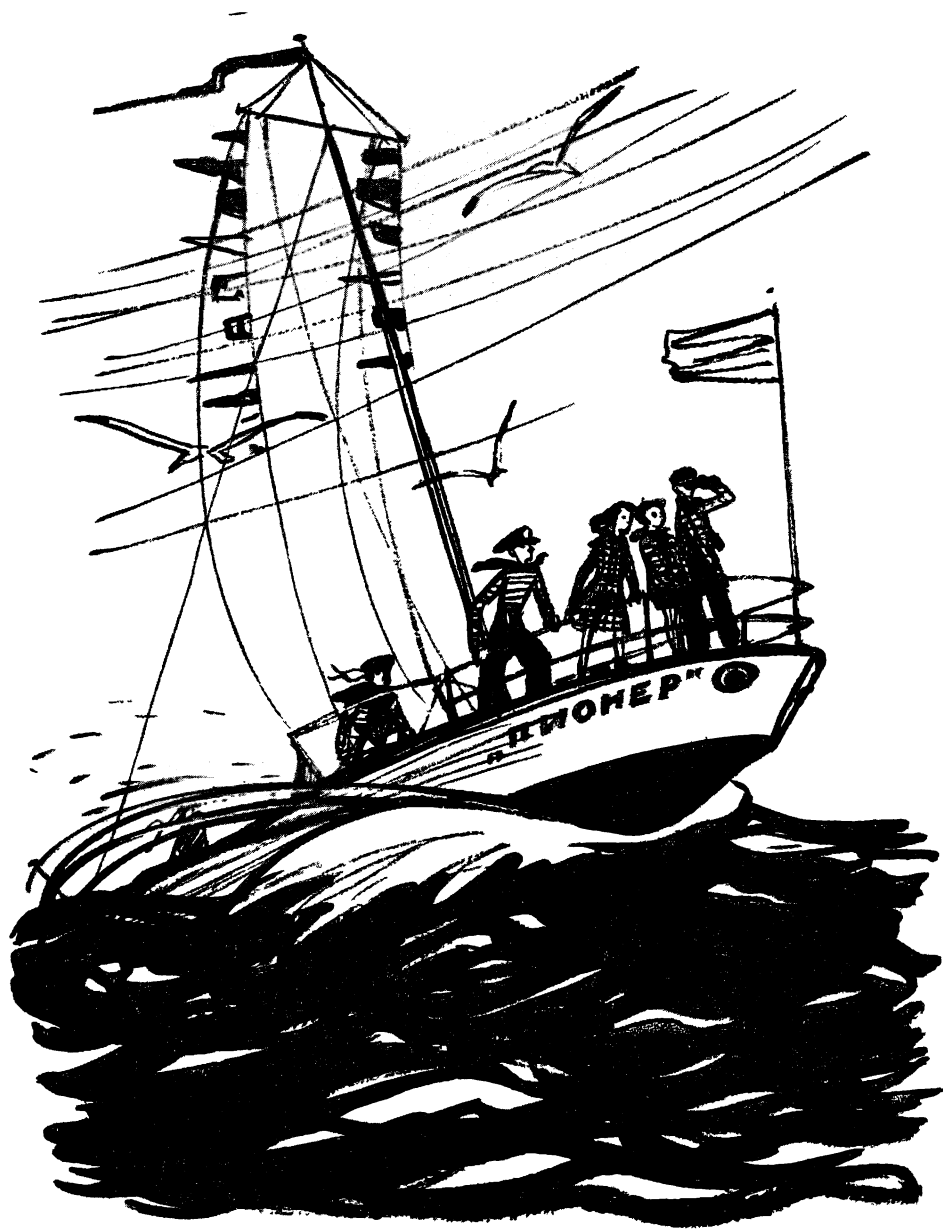
Опытный водитель ловко ведёт широкий автобус по узкой дороге, петляющей между горами. Из-за крутых поворотов возникают живописные виды Крыма: виноградники, карабкающиеся на взгорья, вершины гор, берег моря с белыми зданиями здравниц... Изредка из-за поворота выскакивают встречные машины, и пассажиры весело машут артековцам.

Вот и Артек — солнечная пионерская республика!

Шофёр протяжно сигналит, дежурные по лагерю распахивают ворота и бегут встречать гостей.

Черноморская волна ударяет в артековский пляж. Потом она как бы облизывает гальку, то унося её с собой, то вновь выкатывая на берег. От артековского причала только что отошёл катер «Пионер». Команда катера — артековские ребята.

— Этот катер нам черноморские моряки подарили! — объясняет юным чехам, стоящим на палубе, капитан катера, паренёк лет тринадцати, в морской фуражке, полосатой тельняшке и с красным галстуком на шее.

От артековского причала отошёл катер «Пионер».

— У вас красный живот! — неожиданно говорит Лацо, с завистью поглядывая на штурвального, ведущего катер.

Штурвальный, веснушчатый паренёк, изрядно загоревший на солнце, задирает тельняшку:

— У кого красный живот? У меня не красный!

Алёна не может удержаться от смеха.

— Ты чего? — спрашивает её штурвальный.

— «Красный живот» — это «красивая жизнь»! — сквозь смех отвечает Алёна. — По-чешски! Понимаешь? Счастливая жизнь — красный живот! . .

Штурвальный машет рукой.

— У меня уже всё в голове перепуталось! Здесь у нас все языки сразу изучишь! Тут тебе и «бонжур», и «ол-райт», и «гутен морген». А теперь ещё «красный живот» прибавился! «Мерси боку».

Все смеются.

— Да-а, у нас тут рядом международный пионерский лагерь, — солидно поясняет капитан. — Двадцать три национальности! Ничего? . . Сегодня у них будет костёр дружбы. На самой вершине Медведь-горы. Во-он там! . . Видите?

— А мы тоже приглашены туда! — гордо заявляет Лацо.

— Счастливые! . . — вздыхает капитан. И грустно командует: — Самый малый! . .

Катер подходит к группе скал, торчащих из воды.

— У нас в Чехословакии тоже красивые горы! — задумчиво произносит Пётр. И смотрит в бинокль.

Татры. Пионерский лагерь в горах. В одной из палаток, возле радиоприёмника, сидит Вашек. Он ловит какую-то ускользящую радиоволну. Рядом с ним его товарищ по лагерю — пионер Отто.

— Что ты ловишь? — спрашивает Отто.

— Одессу! — отвечает Вашек.

— Зачем тебе Одесса? — удивляется Отто.

-- Просто так, — уклончиво отвечает Вашек.

...Высоко над морем поднялась зелёная гора Аю-Даг, что в переводе значит «Медведь-гора». И в самом деле, гора похожа на гигантского медведя, который улёгся на берегу, чтобы погреться на добром южном солнышке. Мордой медведь уткнулся в море, и волны щекочут нос спящему зверю.

Мы видим, как по горной тропке карабкаются вверх пионеры-артековцы. Мы видим и трёх чешских друзей, и учительницу Мачкову, и старенькую артековскую библиотекарьшу Анну Павловну с алым пионерским галстуком на груди. Все они не спеша поднимаются на вершину горы — туда, где вечером вспыхнет и запылает пионерский костёр дружбы...

Алёна и её товарищи, с палками в руках и заплечными рюкзаками, останавливаются, чтобы немного передохнуть. Сверху им открывается живописная зелёная панорама черноморского побережья Крыма, а в центре её почти неподвижная в этот час морская бирюза. Весь Артек как на ладони... День клонится к вечеру, и солнце печёт теперь уже не так сильно.

— Вы не устали? — спрашивает Иржина Мачкова у Анны Павловны, которая остановилась немного передохнуть. — Может быть, вы напрасно пошли с нами?

— Что вы! — смеётся библиотекарьша. — Не было ещё случая, чтобы я отказалась от такого удовольствия! Я уж про себя решила: как не смогу подняться на Аю-Даг, так, значит, пора на пенсию. Походы и костры — это моя слабость.

Внезапно в небе раздаётся гул мотора. Все поднимают голову. Над горой летит вертолёт.

— Позор! Позор! — кричит Лацо и тычет пальцем в небо.

— Почему «позор»? Кому «позор»? — удивляется Анна Павловна.

— «Позор» — это на чешском языке значит «внимание», — поясняет Мачкова.

— А-а-а! — улыбается Анна Павловна, поправляя на шее красный пионерский галстук. — А я удивляюсь: почему вдруг «позор»?! Это летит наш артековец Лёня Пахомов. Бывший, конечно, артековец! — смеётся она. — Он приглашён на ко-

стёр дружбы и приземлится прямо там, на вершине горы. Не было у меня в библиотеке ни одной книжки про авиацию, которой бы он не прочитал!

Вертолёт скрывается из виду.

Где-то в горах трубит пионерский горн. Тянется в гору цепочка пионеров.

На вершине горы, на небольшой полянке, идёт репетиция одного из концертных номеров костра дружбы. Исполняется национальный танец. В центре зелёной площадки уже сложены сучья и ветки. Здесь хлопочут костровые.

В небе появляется снижающийся вертолёт. Юные артисты, зрители и костровые с криком несутся к месту посадки вертолёта...

У вертолёта, приземлившегося здесь, столпились ребята. Лётчик, бывший артековец, с пионерским галстуком на шее, держит в руках пухлый белый пакет, весь испещрённый печатями, марками, штемпелями. Со всех сторон сыплются вопросы:

— А сколько километров в час он даёт?

— А сколько человек поднимает?

— А он на корабль сесть может?

— А вы нас покатаете?

Лётчик потрясает в воздухе белым пакетом.

— Вопросы потом! А сперва помогите мне найти (он смотрит на адрес)... Алёну Граскую из Праги! Ей срочный пакет! Из Одессы!

— Это я! Это я!... — раздаётся торжествующий мальчишеский крик. Лацо в своей широкой панаме, сползающей на глаза, отчаянно работая локтями, пробирается вперёд, к лётчику. Тот удивлённо смотрит на него:

— Ты... Алёна из Праги?

— Нет, я Лацо из Жилины.

— Для тебя я, к сожалению, ничего не привёз!...

— Но мы же вместе... Вместе с Алёной... Мы чешские

туристы! — Лацо оборачивается и кричит: — Алёна! Алёна! Скорей сюда!

Девочка, запыхавшись, покрасневшись от волнения, тоже пробилась к вертолёту, только с противоположной стороны.

— Я из Праги! Это мне...

— Документов не требую, — говорит лётчик, протягивая Алёне пакет, — хотя рискую головой! Один этот пакет везли на аэродром целых двадцать человек. И одна весьма серьёзная гражданка, примерно вашего возраста, заявила: «Попробуйте только потерять! Здесь документ международного значения!» Просто запугала меня!..

— Ну да! Здесь ведь наша карточка! — говорит Алёна, нетерпеливо разрывая пакет. — И вот ещё... газеты! Смотрите — газеты!.. Целая пачка! Пётр! Лацо!..

— Я вижу! Я здесь... — откликается Лацо, от волнения сдвигая панаму на самый затылок. — Дай их... Газеты будут храниться у меня!

Всё ярче разгорается костёр. Костровые подбрасывают сучья, на которые с жадностью набрасываются языки пламени.

Пионерка, ведущая концерт, объявляет:

— А сейчас пионеры второго отряда исполняют чешскую народную песню...

И вот юный голос запекает мелодичную песню, рождённую на чехословацкой земле. Песня растёт, звучит всё громче, всё шире, всё веселей. Вместе с русскими ребятами поют эту песню и Алёна, и Лацо, и Пётр...

У чешских ребят взволнованные, растроганные лица. В тёмной южной ночи, под звёздным небом Крыма, над горами и над морем, над переливающимся огоньками побережья звучит их родная песня...

Жарко пылает пламя костра.

Чуть в стороне от костра библиотекаряша Анна Пав-

ловна с газетой в руках, лётчик Пахомов и учительница Мачкова.

— Ребята никогда не увлекаются пустячными делами! — говорит Анна Павловна. — Уж поверьте мне: я тридцать лет с ребятами работаю. . .

— Конечно! — соглашается учительница Мачкова. — И я тоже считаю: это дело совсем не пустяковое.

— Дело-то благородное! — соглашается лётчик. — Только вот не знаю, что из него получится. . . Бог его знает, где сейчас ваш бывший танкист! Советский Союз велик — где его искать? Как иголку в сене! Может, он сейчас где-нибудь в Антарктике. . . А вы давно из Праги?

— Недавно. . . Так вы считаете наши поиски безнадёжными?

Лётчик пожимает плечами.

— Как вам сказать. . . Хотел бы я, конечно, вам помочь, да не знаю как! — продолжает Пахомов. — Впрочем, есть у меня один приятель, артист. Он, пожалуй, мог бы вам быть полезен. . .

— Артист? — удивляется библиотекарьша. — А при чём тут артист?

— Артист Вартан Маргелян! — подтверждает лётчик. — Сейчас он артист, но на войне он был танкистом и тоже участвовал в освобождении Праги. Хотя, честно говоря, и он может ничего не знать об этом неизвестном солдате. . .

— А где он сейчас? — интересуется Мачкова.

— Он выступает в цирке. У него оригинальный номер — «Мотогонки по вертикальной стене». Я, право, не знаю, где он сейчас может быть. Вообще-то он родом из Еревана, живёт в Москве, а летом гастролирует по городам Союза. Одним словом, артист!

— Жалко! — вздыхает Мачкова.

— Да-а-а. . . Вот мечтаю побывать в вашей стране! И пиво ваше люблю. Пльзенское! — шутит лётчик.

— Этим исчерпываются все ваши знания о Чехословакии? — смеётся Мачкова.

— Нет! — не раздумывая, отвечает Пахомов. — Люблю «Проданную невесту» Сметаны, люблю «Чёрта и Качу» Дворжака, люблю. . .

Пионерский лагерь в Татрах. . . Сейчас здесь идёт жаркая волейбольная игра. Болельщики окружили площадку.

Судья то и дело свистит, объявляя подачи мяча.

В одной из команд играет Вашек Калабис. Надо сказать, что играет он отлично. Его подачи, пасовки, резкие и сильные удары по мячу вызывают восторг болельщиков.

Вашек сегодня герой спортивного дня.

Внезапно появляется пионерка. По нарукавной повязке в ней можно узнать дежурную по лагерю. В руках у неё большой конверт.

Дежурная ищет глазами Вашека и, найдя его, подходит к краю площадки так, чтобы Вашек мог увидеть и услышать её.

Вашек становится на подачу.

— Вашек! — тихо произносит девочка. — Тебе пакет из Одессы!

Вашек вздрагивает. Судья уже дважды дал свисток, но Вашек медлит с подачей. Болельщики удивлены: решается судьба игры!

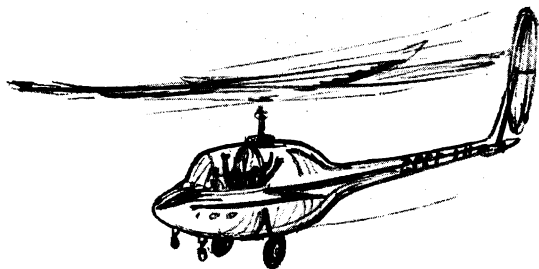
— Откуда пакет? — переспрашивает Вашек.

— Из Одессы! — повторяет дежурная и показывает на советские марки в углу пакета.

— Хорошо! Потом! — стараясь сохранить спокойствие, говорит Вашек и посылает мяч в аут.

Болельщики возмущены: что случилось с Вашеком? Он же «король резаной подачи»! Но «король» через минуту пропускает два верных мяча. Игра закончена. Свист болельщиков и полное возмущение друзей Вашека.

Вашеку не терпится прочитать письмо из Советского Союза. Вот оно у него в руках. Он вскрывает конверт и достаёт из него газету. На её странице он узнаёт знакомую фотографию.

Ребята окружают Вашека. Они с любопытством заглядывают ему через плечо. Некоторые даже вскочили для этого на скамейку...

Палуба теплохода. Он быстро идёт курсом на Сухуми. Ялта осталась позади, видны её

последние домики на зеленых склонах гор.

Один из чехословацких туристов обращается к другому:

— Итак, подвожу итоги: в домике Чехова мы были, в Никитском ботаническом саду — тоже, на винном комбинате были и даже ознакомились с его продукцией...

— У меня до сих пор шумит в голове... — мечтательно вздыхает кто-то из туристов.

— Но мы не побывали в Артеке! — горестно восклицает одна из туристок. — Это ужасно!..

— Зато там побывали наши дети! — иронически замечает полная туристка. — Легкомыслие их руководительницы граничит с безумием. Отстать от теплохода! Невероятно! Из-за них содругу Туричку пришлось остаться в Ялте. Они доведут его до сердечного припадка...

— Я слышал, что они выполняют какое-то важное поручение.

— Какое? Кто вам сказал? — живо заинтересовался журналист.

— Туричек.

— Сам Туричек?..

Внимание туристов привлекает летящий над морем вертолёт. Он быстро приближается. Все пассажиры с интересом наблюдают за ним. Вот он уже повисает над теплоходом... Матросы тоже наблюдают за вертолётom, который, конечно же, не зря появился здесь и, кажется, не торопится дальше.

Вертолёт снижается и летит рядом с теплоходом настолько

Внимание туристов привлекает летящий над морем вертолёт.

низко, что можно хорошо разглядеть лица его пассажиров: трёх ребят, их учительницу и... Туричека!

Все пятеро улыбаются пассажирам теплохода. Делают знаки.

Пассажиры-туристы указывают друг другу на вертолёт.

— Господи! — восклицает полная туристка. — Они перетянули нашего Туричека на свою сторону!

— Это нечестно! — произносит, смеясь, один из туристов.

— Я бы тоже не имел ничего против прогулки на вертолёте! А главное, они будут в Сухуми раньше нас...

Вертолёт набирает высоту и берёт курс на Сухуми.

Все туристы, в том числе и полная туристка, машут руками ему вслед...

Одесса. В кабинете редактора газеты звонит телефон. Редактор снимает трубку.

Будка телефона-автомата. В будке, прижавшись друг к другу, стоят четверо ребят. Возле будки толпятся другие ребята.

— Александр Петрович! — говорит Марина. — Это опять я! Вы уж нас извините! Ну как? Не нашёлся?

— Пока нет, — отвечает редактор.

К телефону-автомату подходит гражданин в шляпе. Он, по всей видимости, хочет куда-то позвонить. Увидев скопление ребят возле телефона, он спрашивает:

— Все сюда?

— Все! — раздаётся в ответ.

Гражданин, покачивая головой, уходит.

Кабинет редактора газеты. Звонит телефон. Редактор снимает трубку.

— У телефона...

...Телефон-автомат в подъезде дома. Гражданин в шляпе говорит с редакцией газеты:

— Товарищ редактор! В вашей газете была опубликована фотография бывшего танкиста с ребёнком на руках. Я знаю этого человека. Вернее, я знаю его жену. . .

Сухуми. . .

По залитой солнцем улице, мимо пальм, приветливо машущих своими широкими зелёными ветвями, словно гигантскими веерами, идёт группа чехословацких туристов.

Пётр, как всегда, что-то фотографирует.

Туристы проходят мимо большого рекламного щита. На нём изображён мотоциклист, застывший в головокружительном выраже. Надпись гласит:

«Гонка на мотоцикле по вертикальной стене. Вартан Маргелян».

Никто не обращает внимания на цирковой плакат.

— Куда мы сейчас идём? — спрашивает Лацо у Алёны.

— В гости к нашим предкам! — отвечает та.

— К кому?! — удивлён Лацо.

. . . С ветки на ветку прыгают обезьяны. Это Сухумский обезьяний питомник. Его обычно посещают все туристские экскурсии, и наши туристы, разумеется, тоже заглянули сюда.

Возле одной из клеток, где обитает семья человекоподобных обезьян, стоят Алёна и Пётр. Петру приходит в голову гениальная идея — сфотографировать «предков» в непосредственной близости.

— Я хочу, чтобы не было видно решётки! — говорит он.

— Пусть все думают, что ты зашёл прямо к ним в клетку! Да? — улыбается Алёна.

Пётр недолго думая просовывает свой фотоаппарат между прутьями клетки и хочет щёлкнуть затвором. Но не тут-то было! Не успел Пётр оглянуться, как его замечатель-

ный, единственный в своём роде фотоаппарат очутился в руках у одной из обезьян и был утащен на дерево.

Обезьяна обнюхивает аппарат и вдруг, подражая Петру и другим фотографам, которые, видно, часто надоедают ей, приставляет аппарат к глазам, будто готовясь снимать экскурсантов...

Как ни трагичен этот случай, все, кроме пострадавшего, не могут удержаться от смеха. Лацо даже плачет от смеха...

К клетке с обезьянами подходит служитель в белом халате и начинает открывать дверь, строго поглядывая на ребят.

Уставшие туристы возвращаются из питомника в гостиницу. Опять тот же рекламный щит с афишей о выступлении Вартана Маргеляна.

Взрослые равнодушно проходят мимо цирковой рекламы, однако дети задерживаются.

— Хорошо бы пойти сегодня в цирк! — мечтательно говорит Лацо. — Смотрите, как интересно!

— Можно попросить Иржину! — говорит Алёна.

Ребята догоняют Мачкову.

— Иржина! Давайте сходим сегодня вечером в цирк! — просит Лацо.

— Сегодня вечер у нас занят, — отвечает Мачкова.

— А может быть, всё-таки мы пойдём в цирк? — умоляющим голосом говорит Лацо. — Сегодня там выступает артист Маргелян. На мотоцикле!

— Кто выступает? — насторожённо переспрашивает Мачкова. — Как ты сказал?

— Артист Маргелян. Гонки на мотоцикле!

— Хорошо! — неожиданно соглашается Мачкова. — Я думаю, что мне удастся уговорить Туричека и он отпустит в цирк. А откуда ты узнал, что сегодня выступает артист Маргелян?

— А там написано, на большом щите! — показывает Лацо.

...Гремит бравурный марш.

У входа в цирк трое ребят: двое мальчишек и девочка.

Пионерка возмущается:

— Я говорила, что надо отдать ей билет и пусть приходит сама!.. Всегда опаздывает!.. Осталось семь минут... А первый номер самый интересный!

— Сказала тоже: самый интересный! — усмехается один из мальчишек. — Дрессированные собачки!.. Самый интересный номер — гонки по вертикальной стене!

— А я очень люблю собак! — не сдаётся девочка.

— Вот дождёмся ещё одного автобуса и пойдём, — неторопливо, баском говорит второй пионер. — А билет ей оставим на контроле.

— Автобус! Автобус! — провозглашает второй пионер.

И в самом деле, к цирку подкатывает автобус.

— Служебный... Интуристов возит! — разочарованно говорит девочка.

Из автобуса выпрыгивают Алёна, Пётр, Лацо и учительница Мачкова.

Автобус отъезжает.

Мачкова обращается к пионерам, стоящим у цирка:

— Скажите, пожалуйста, где здесь продаются билеты?

— Билеты? А вы кто? Иностранцы?

— Мы из Чехословакии...

Пионерка восторженно обращается к своим приятелям:

— Слышали? Из Чехословакии! — И потом к туристам: — Я вас провожу... Я вам покажу...

Касса цирка закрыта. Висит аншлаг: «Все билеты проданы».

— Да-а... Нам не повезло! — солидно и тяжело вздыхает Пётр. И сочувственно смотрит на Алёну, которая тоже помрачнела.

— Ничего, ничего! — успокаивает ребят пионерка. — Всё будет в порядке! Идёмте за мной!

И снова у входа в цирк.

— Давайте сюда билеты! — приказывает девочка-пионерка своим друзьям. — Мы сегодня не пойдём... Мы эту программу уже видели...

— Как это видели?! — удивляется один из пареньков.

— Очень просто! Неужели ты забыл? — невозмутимо говорит девочка, забирая у ребят билеты и передавая их чехам.

— Вот, возьмите, пожалуйста!..

— Это правда? — недоверчиво спрашивает Мачкова.

— Правда! Правда! Мы эту программу уже видели! — спешат подтвердить и оба пионера.

В это время из подошедшего автобуса выпархивает цветущая толстушка в пионерском галстук. На ходу кокетливо приводя в порядок свой наряд, она бежит к ребятам. Подруга делает ей издали уморительные знаки: «Не подходи, не подходи к нам! Стой на месте!»

Девочка в полном недоумении останавливается и растерянно оглядывает себя.

— Сколько мы вам должны? — спрашивает Мачкова.

— Нисколько! Нам дали билеты бесплатно — в городском пионерском лагере!

— И это правда?

— Ну конечно, правда!

Лацо хватает билеты:

— Они будут храниться у меня! Вы потеряете...

— Идите скорей! Уже начало! — торопит пионерка, одновременно знаками удерживая на месте свою подругу.

— Спасибо! Большое спасибо!

Алёна и Мачкова благодарят сухумских пионеров. И все четверо спешат в цирк.

Тогда пионерка милостиво разрешает подруге подойти. Та подбегает.

— В чём дело? — растерянно спрашивает девочка. — Мы же опаздываем!

— Сегодня мы в цирк не идём! — отвечает решительная пионерка.

— Скажите, пожалуйста, где здесь продаются билеты? —
обратилась Мачкова к пионерам.

Девочка смотрит на красочный щит, на котором изображён мотоциклист, исполняющий номер на вертикальной стене.

Надпись на щите гласит:

**ГОНКА
НА МОТОЦИКЛЕ
ПО
ВЕРТИКАЛЬНОЙ СТЕНЕ
ВАРТАН МАРГЕЛЯН**

Девочка тяжело вздыхает. . .

И вдруг плакат словно ожил: мы видим работающего на вертикальной стене мотоциклиста. Он исполняет головокружительные номера, заставляя весь зрительный зал затаив дыхание следить за каждым его движением.

В первых рядах зрителей наши друзья — чехословацкие туристы.

Но вот номер окончен. Ребята аплодируют. Лацо шепчет что-то на ухо Петру. Тот кивает головой в знак согласия.

Мачкова, чуть наклонившись к Алёне, говорит:

— Идём! . .

Все четверо поднимаются и, чуть пригнувшись, чтобы не мешать остальным, идут между рядами.

На сцену в это время выбегают два клоуна. Идёт потешная интермедия, во время которой один из клоунов берёт у зрителей разные вещи: часы, шляпы, носовые платки. Всё это клоун обещает вернуть в целости и сохранности их владельцам. Зрители охотно дают вещи.

Вот клоун замечает Лацо, идущего к выходу, и хватается за рукав. Артиста привлекла широкая белая панама. Он протягивает к ней руку. . .

Но Лацо не даёт.

— Нет, нет... Я не могу... Это подарок! Из Артека...

— Мы видим человека! Откуда? Из Артека! — тут же в рифму импровизирует клоун.

Все аплодируют.

— Дай панаму... Отдай... Это же некрасиво... — шепчет Алёна.

Лацо неуверенно протягивает клоуну свою панаму. Панама попадает в руки клоуна, и — о ужас! — во что она превращается на глазах у публики: в неё льют воду, разбивают яйца, сыпят муку и опилки...

Лацо вне себя. В довершение всего публика умирает от хохота. Алёна, Мачкова и даже солидный Пётр чуть не падают от смеха на пол. Но ещё громче смеются они, когда, получив свою панаму обратно в целости и сохранности, Лацо испуганно, словно всё ещё не веря клоуну, заглядывает в неё... И потом, убедившись, что всё в порядке, сам громко смеётся.

И вот наши герои уже за кулисами цирка. Ребята идут мимо клеток с животными — львами, собаками, кроликами; они видят жонглёров и акробатов, репетирующих свои номера.

— Куда мы идём? — интересуется Алёна.

— Терпение, терпение! — отвечает Мачкова. — Не только вам иметь от меня тайны... Сейчас вы всё узнаете!

Вартан Маргелян принимает гостей во внутреннем дворе передвижного цирка. Он отдыхает здесь после трудного номера. Мы узнаём в нём командира танка, который 9 мая 1945 года остановился в предместье Праги, возле дома Вашека. Да, это тот самый танкист, что помогал перевязывать своего раненого товарища.

Артист Маргелян приветливо поднимается навстречу приближающимся к нему Мачковой и детям.

— Здравствуйте!

— Слушаю вас, товарищи!

— Мы из Чехословакии... — тихо говорит Мачкова. — Помните Прагу? ..

Лицо Маргеляна становится серьёзным.

На миг водворяется молчание... Но вот Иржина продолжает:

— Нам очень понравился ваш номер!

— Очень понравился! — добавляет Алёна.

— Но у нас есть к вам одно дело, — продолжает Иржина. — Вы не могли бы с нами поговорить?

— С удовольствием! — говорит Маргелян. — Я к вашим услугам.

— Мы слышали, что вы участвовали в освобождении Праги... .

— Было такое дело! — серьёзно отвечает Маргелян.

— Вы были танкистом? Правда?

— Да.

— Скажите, — продолжает Мачкова, — вы случайно не знали этого человека? — С этими словами Иржина протягивает Вартану Маргеляну известную фотографию.

Артист долго и внимательно смотрит на карточку.

Ребята с недоумением переглядываются.

— Да, это танкист Никитин. Степан Андреевич Никитин... Я провёл с ним всю войну. С ним и до вашей Праги дошёл... И карточку эту знаю: он не расставался с ней никогда... .

Немного помолчав, как бы вспоминая что-то далёкое и тяжёлое, Маргелян добавляет:

— Прекрасный был человек!

— Почему «был»? — с тревогой спрашивает Мачкова.

И вот перед нашими глазами возникает то, о чём рассказывает Маргелян.

Первое утро мира в Праге... Но мирная жизнь ещё только вступает на улицы города. Вчерашние баррикады, словно плотины, перегородили окраинные переулки и улицы. Одно-

этажными красными домиками застыли в пути трамваи. Из мрачно насупившегося дома, сложенного из тёмно-серых гранитных глыб, советские бойцы и горожане бережно, поддерживая под руки, выводят ослабевших и измученных людей. Здесь было гестапо. Глаза заключённых отвыкли от солнца...

А сколько его сегодня в городе, щедро украшенном всеми дарами весны!

На улицах ещё не видно троллейбусов и автомобилей, по городу ещё разъезжают танки, но курсируют они не спеша, с каким-то негромким, умиротворённым рокотом, словно прогуливаясь, словно отдыхая после тяжкой боевой работы.

Мы узнаём одну из машин. И как же не узнать: на бронированной груди её бело-розовый букет сирени. Да, это тот самый танк, что прижался на несколько минут к обочине дороги возле дома Вашека.

Машина сворачивает в переулок. Навстречу ей из двора высокого старинного дома, украшенного мирными витиеватыми башенками и балкончиками, бегут дети, женщины... И вдруг откуда-то сверху торопливая пулемётная очередь. Падает женщина. Мальчик схватился за её руку. И так дико, так невероятно, что в это солнечное утро — утро мира! — ещё погибают люди.

Танк дёрнулся, словно от неожиданного удара, остановился. На мостовую выпрыгнули два танкиста — капитан Маргелян и танкист с перевязанным плечом — Степан Никитин... Пригнувшись, они бросаются в парадное высокого старинного дома.

Навстречу им по лестнице бегут трое мальчишек. Они не знают, что произошло на улице, и очень радуются, увидев советских солдат: хватают их за руки и тянут в квартиру, дверь которой открыта.

— Потом! Потом!... Где у вас ход на чердак? Покажите! Только быстрее, быстрее!

Танкисты, следуя за ребятами, вбегают в квартиру. За столом, щедро уставленным едой, сидят три советских солда-

та и обедают. Хозяйка радостно приветствует появившихся двух танкистов.

— На чердак! — командует Маргелян, обращаясь к солдатам, сидящим за столом. — Скорей!

Солдаты бросают ложки и, схватив автоматы, устремляются за танкистами. Мальчишки бесстрашно показывают путь на чердак.

И вот чердак старинного дома. Низкие, угрюмые своды...

Белеет на верёвке бельё. Старые ящики, бочка...

Возле окна судорожно и озлобленно припали к пулемёту три фашиста. Они не успели удрать и теперь оказались в ловушке.

Происходит молниеносная схватка. Маргелян успевает очередью из автомата уложить одного из врагов. Двое советских солдат падают, раненные выстрелами фашистов. Степан Никитин, зайдя со стороны, бросается в рукопашную схватку с одним из пулемётчиков. Но раненое плечо мешает ему осилить врага, и, когда Маргелян приходит ему на помощь, Никитин уже недвижим.

Маргелян склоняется над телом убитого товарища.

А на улице люди всё ещё с опаской прислушиваются к тому, что происходит на чердаке дома. Чердак молчит. Люди смелеют, выходят из подъездов, окружают советский танк.

И снова рассекает морские волны белый корабль, похожий на сказочно гигантский плавучий кусок льда.

Рослый матрос, тот самый, что внимательней всех слушал задумчивую Костину песню о далёкой Праге, вбегает, а точнее сказать, стремительно врывается в кубрик. Вид у него возбуждённый, взволнованный. Он держит в руках номер одесской газеты, в которой помещён заветный снимок... Подбежав к Костиной тумбочке, матрос хватает фотографию, что уютно примостилась там, на белой салфетке... Матрос переводит глаза с одной фотографии на другую:

ясно, сомнений не может быть — это одна и та же (да, да, одна и та же!) фотография.

Матрос мчится по палубе. Но теперь у него в руках уже два снимка...

С разбегу он опрокидывает вёдра, которыми окружил себя Костя: сегодня его черёд драить палубу. Матрос трясёт растерявшегося друга за плечи:

— Смотри, они же — одинаковые... Совсем одинаковые!

И вот уже вы в каюте капитана. Мачкова и сам капитан молча смотрят на Костю, ждут от него подробного рассказа. А он прижимает к груди карточку, с которой никогда не разлучался в своих морских походах, дальних путешествиях:

— Меня... меня нашли в развалинах дома. Мама моя, на руках у которой я спал... Ну, в общем, я о себе ничего не помню... Мне сказали, что мама убита... что мама погибла в ту ночь... У неё нашли вот эту фотографию. Кто-то... уж не помню кто, назвал меня Костей. Об отце я ничего не знаю...

— Но мы знаем... Мы знаем, как звали вашего отца, — тихо и взволнованно говорит Мачкова. — Степан Андреевич Никитин...

Ну, а юные чехи в это время вновь забрались в спасательную шлюпку, чтобы обсудить итоги своих поисков и приключений.

— Я так хотела выполнить поручение Вашека... — говорит Алёна. — Я так хотела! Но я не смогла.

Костя и Мачкова разыскивают ребят.

— Я знаю! Уж я-то, поверьте, знаю, где они!.. — говорит Костя. И направляется к спасательной шлюпке.

Издали заметив его, ребята выскакивают на палубу и со всех ног удирают: уж на этот раз Костя их не помилует!

Но вдруг... Вдруг голос радио останавливает ребят:

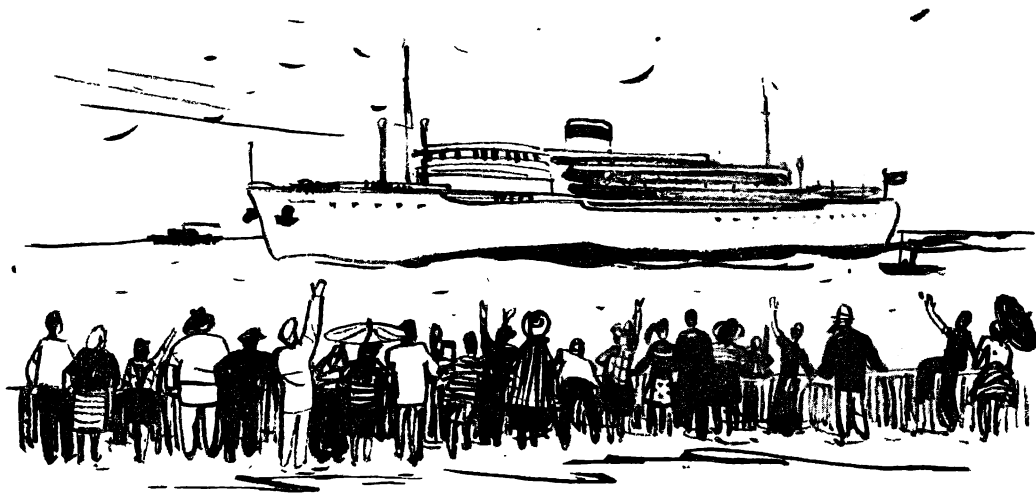
— Алена, Пётр и Лацо! Вас просят немедленно пройти в каюту капитана. Там будет ждать вас сын танкиста Никитина!

— Сын?.. — изумлённо шепчет Алёна. — Почему — сын? Мы ведь искали дочку. . .

— Да, я был немного похож на девчонку в детстве, — улыбаясь, уже в капитанской каюте объясняет Костя. — Пухлый такой был. И потом локоны. . . Ну, а сейчас похож я на девочку?

Он медленно поднимается во весь свой огромный моряцкий рост.

Снова причал Одесского порта. Ясное летнее утро. Здесь собралось много людей, встречающих теплоход. Но не меньше людей столпилось и на палубе судна. И те, что в порту, и те, что на теплоходе, приветственно машут друг другу руками, платками, шляпами. . .

Судно медленно приближается к причалу.

Матрос Костя ловко забрасывает чалку, и её подхватывает на причале другой, такой же ловкий и молодой матрос.

Среди встречающих мы видим сотрудников редакции газеты и наших неустомимых одесских следопытов. Здесь и Марина, и решительный Вовка, и любознательный Сашка с хохолком на макушке, и серьёзная, задумчивая Соня в очках, и Борька, и даже Катя со своим маленьким Женькой... Братишка упорно тянет Катю за рукав.

— Ну во-от ещё! — зло шепчет ему сестра. — Всегда тебе нужно... В самые ответственные минуты. Ничего! Подождёшь!

В руках у них цветы. Но ребята не одни: рядом с ними стоит немолодая женщина, в руках у которой тоже букет цветов. Пионеры напряжённо вглядываются в лица пассажиров теплохода. Они ещё не увидели тех, ради кого пришли сюда, кому принесли газеты и цветы.

Два матроса, и среди них Костя, спускают трап. По нему начинают сходить на берег чехословацкие туристы.

Юные чехи подходят к Косте, и каждый пожимает ему руку. Пётр дарит на прощание значок. Костя прикалывает его к тельняшке.

Ребята начинают спускаться по трапу. И вдруг они сверху видят, как навстречу, пробиваясь сквозь толпу встречающих, бегут одесские пионеры, а вслед за ними еле поспевает немолодая женщина с букетом цветов.

Алёна улыбается, а голос её за экраном звучит тихо и грустно:

— Сколько у нас появилось новых друзей! И вот они бегут нам навстречу... И смеются... Они ведь ещё не знают, что Никитин погиб и что карточку ему вернуть уже нельзя...

Ребята бросаются навстречу Алёне, Петру и Лацо, дарят цветы.

— Вы получили газету? Получили? — спрашивает Марина у Алёны.

Алёна ничего не отвечает, опускает голову...

В это время медленно подходит немолодая женщина с букетом цветов. И все одесские ребята молча расступаются перед ней. Она обнимает Алёну, целует её:

— Спасибо тебе, девочка...

Алёна смущена и растеряна: она ещё ничего не понимает.

— Это же Нина Петровна, жена вашего танкиста! — торопится объяснить Марина. — Она нашла по фотографии в газете! Понимаешь?

Чешские ребята начинают кое-что понимать.

— Да... Это мой муж, — взволнованно говорит женщина, указывая на снимок в газете. — Фотография была сделана накануне войны. Это мой муж... и мой сын... Я потеряла их обоих...

Медленная слеза катится по щеке пожилой, измученной горем женщины...

А Лацо и Пётр уже тянут за рукав растерянного, ничего не понимающего Костю. И вот... Мать и сын пристально

смотрят друг другу в глаза, боясь поверить в то, что произошло, в счастье, в огромное, неожиданное, безмерное счастье, на которое они уже и не надеялись.

Мать и сын нашли друг друга после стольких лет разлуки... И разве слова, даже самые горячие и взволнованные, могут передать их чувства? Они и не произносят слов... Они молча прижимаются друг к другу, словно боясь снова потерять друг друга...

— Но почему же всё было в секрете? Мы бы все... все бы им помогали! — перебивая друг друга, взволнованно говорят туристы.

— Они хотели сделать всё сами, без помощи взрослых! — объясняет Туричек. — И правильно! Я сам был таким в их годы!..

Алёна бережно вынимает из кармана карточку и протягивает её Нине Петровне.

— Вот видите... Здесь, сбоку... следы крови...

Нина Петровна берёт карточку, тихо опускает голову. А Костя ещё крепче обнимает мать.

— Приезжайте! Приезжайте к нам в Прагу! — словно стараясь ободрить их, горячо говорит Алёна. — Я познакомлю вас с Вашеком, который хранил эту фотографию двенадцать с половиной лет... Приезжайте!..

— Мы приедем... — тихо отвечает Никитина. — Мы приедем к вам... к тебе, к Вашеку... и к нему!..

Она смотрит на фотографию мужа.

Прага. Город празднует День Освобождения. Уже смеркается.

Вашек и Алёна идут по вечернему городу, то сворачивая в узкие переулки, то пересекая площади, то проходя по улицам под высокими каштанами. В свете витрин и реклам Вацлавской площади блестят дождевые плащи — серый и голубой. Ребята идут не спеша, молча, иногда улыбаясь друг другу...

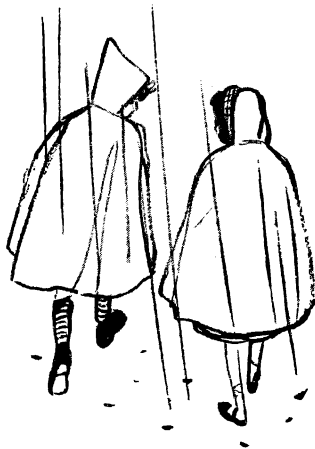
Они останавливаются возле закрытого уже в этот поздний час большого кафе-автомата.

Взглянув через витрину внутрь кафе, Алёна улыбнулась и посмотрела на Вашека. Тот кивнул головой и засмеялся.

Видно, оба они подумали об одном и том же. . .

И мы слышим голос Алёны:

— Это было давно. . . Нет, не очень давно. В общем, даже совсем недавно — в прошлом году, в конце мая. . .

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Для младшего школьного возраста.

ПОТЕРЯННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Ответственный редактор *С. Е. Миริมский*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *М. Я. Басс*. Корректора *А. Б. Стрельник* и *Т. Ф. Юдичева*.
Сдано в набор 19/II 1962 г. Подписано к печати 6/IV 1962 г. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 5,08. ТП 1962 г. № 265. Тираж 115 000 экз. Цена 28 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.
Заказ № 575.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

*В 1962 году для школьников младшего возраста
выходят в свет следующие книги:*

**Аргунова Н.
СЛАВНЫЙ ЗВЕРЬ.**

Маленькие поэтические рассказы о природе и животных.

**Аксёнова А.
ВЕСЁЛЫЕ КАМУШКИ.**
Рассказы о маленьких ребятах.

**Ефетов М.
ТЕЛЬНЯШКА — МОРЯЦКАЯ РУБАШКА.**
Повесть о мальчике, который мечтал стать моряком.

**Карпенко Г.
ТРИ ЗВОНКА.**
Повесть о ребятах одной московской школы.

**Холендро Д
ЛЕТАЮЩИЙ ПУДЕЛЬ.**
Рассказы о жизни ребят за рубежом.

**Черноголовина Г.
КАПЕЛЬКИ АМУРСКИЕ.**
Сборник рассказов об амурских ребятах.

**Чиджавадзе О.
ЗУБ АКУЛЫ.**
Повесть о трёх алжирских мальчиках.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации. Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом „Книга — почтой“ областных, краевых и республиканских книготоргов. Можно также заказать книги и через отдел „Книга — почтой“ по адресу: Москва, Б-120, ул. Чкалова, 48-б, магазин Москниготорга № 94.

28 коп.